

Оглавление

Введение	4
Историография	5
Источниковая база	21
Глава 1. «Польский вопрос» и славянофилы в 1830-е — начале 60-х гг.	30
1.1. Отношение ранних славянофилов к «польскому вопросу»	30
1.2. «Польский вопрос» и славянофилы в 1840–1850-е гг.	35
1.3. Мнения славянофилов о «польском вопросе» накануне восстания 1863 г.	56
Глава 2. М.П. Погодин и «польский вопрос» в 1830-е — начале 60-х гг.	81
2.1. М.П. Погодин и «польский вопрос» в 1830–1840-е гг.	81
Соотнесение славянского и «польского вопросов» в 1830–1840-е гг.	81
2.2. «Славянский вопрос» в трудах М.П. Погодина в 1830–1850-е гг.	101
2.3. М.П. Погодин и «польский вопрос» в 1850-е гг.	107
2.4. Взгляды М.П. Погодина на события в Западном крае и Царстве Польском в начале 1860-х гг.	117
Глава 3. Западники, А. И. Герцен и «польский вопрос» в 1830-е — начале 1860-х гг.	126
3.1. Сочинения П. Я. Чаадаева по «польскому вопросу» в 1830-е гг.	126
3.2. Западники и «польский вопрос» в 1830–1850-е гг.	133
3.3. А. И. Герцен и «польский вопрос» в 1830–1850-е гг.	142
3.4. Герценовское направление общественной мысли и «польский вопрос» в начале 1860-х гг.	161
Заключение	191
Библиографический список источников и литературы	201

Введение

Настоящее исследование посвящено «польскому вопросу» в общественной мысли России в 30–60-е гг. XIX в. Важность тематики исследования обусловлена необходимостью понимания современным российским обществом проблемного поля и истории «польского вопроса» в Российской империи. Долгая история трудных российско-польских отношений сформировала взаимное недоверие народов. Однако Польша по-прежнему остается одним из наших ближайших славянских соседей. Именно поэтому исследование проблемы русско-польских отношений, анализ воззрений русской интеллектуальной элиты XIX в., преодоление негативных стереотипов являются актуальными и сегодня.

Общественно-политическая мысль 30–60-х гг. XIX в. богата разнообразием рассматриваемых проблем: место России в мировой цивилизации, специфика национального самосознания, отношения власти и общества, государство и его роль в истории народа и т. д. Однако есть и малоисследованные аспекты споров русских мыслителей XIX в. Одним из таких аспектов является «польский вопрос», степень разработанности которого до сих пор остается крайне слабой.

«Польский вопрос» оставил след во всей истории Российской империи XIX в.; он влиял как на внешнюю политику государства, так и на внутреннюю. Многонациональный состав Российской империи неизбежно порождал усложнение ее государственного механизма, одной из задач которого было обеспечение интересов как всего государства, так и отдельных населявших его народов, поддерживая тем самым единство и общественную стабильность. Во внутренней политике Российской империи «польский вопрос» заключался в интеграции бывших земель Речи Посполитой в имперский организм. В связи с этим «польский вопрос» находился в центре внимания русских публицистов, политиков, историков XIX в. Анализ их взглядов на возможность мирного сосуществования народов в Царстве Польском, подчинение его государственной российской власти, исследование ситуации в Западных губерниях, которые оказывались спорными территориями между русскими и поляками, — всё это чрезвычайно важно.

В современной ситуации глобализации, когда обостряется интерес к национальным, этническим культурам, усиливается актуальность этнонациональной проблематики. Снижение численности (хотя и замедлившееся в последнее время) коренного населения современной России и рост количества общин представителей национальностей, некогда населявших Российскую империю и бывший СССР, и соседних стран дальнего зарубежья

приводит к необходимости осмысления и принятия определенной позиции российским обществом в вопросе межнационального взаимодействия¹. Опыт русско-польских отношений в рамках одной империи должен помочь извлечь важные уроки. Это отказ от антагонистического противопоставления одного народа другому, строительство отношений на основе диалога, признание важности и значимости самобытного культурного развития всех народов. Кроме того, изучение и анализ исторических процессов прошлых эпох способствуют развитию международного и межкультурного сотрудничества, взаимодействию России и Польши на современном этапе.

Взаимоотношения русского и польского народов и позиция русской общественно-политической мысли дают возможность проследить направления государственной политики в Царстве Польском и Западных губерниях — наиболее населенном и развитом регионе Российской империи XIX в.

Историография

Исследования русской общественно-политической мысли и «польского вопроса» в 1830-е — начале 60-х гг., т. е. в период между двумя польскими восстаниями, не слишком велики и объемны. Но есть работы ученых, заслуживающие особого внимания. «Польский вопрос» в русской мысли лучше рассматривать через отношения к нему известных личностей и деятелей русского общественного движения и публицистики того времени.

Историография, посвященная славянофилам, не столь обширна по данной тематике, как хотелось бы.

В советской историографии славянофильские взгляды на «польский вопрос» представлены статьей В. А. Китаева². В ней он рассматривает сочинения И. С. Аксакова до начала Январского восстания и во время него. Он расценивает предложения Аксакова о предоставлении Польше независимости только уловкой, а не серьезным шагом в решении русско-польских противоречий. Китаев рассматривает статьи до 1863 г. достаточно кратко и основное внимание уделяет статьям периода разгара восстания.

В современной историографии нужно отметить статью Л. Е. Горизонтова³. Он анализирует влияние славянофильского учения на позиции

---

¹ Якунин В. И., Багдасарян В. Э., Сулакишин С. С. Западня: новые технологии борьбы с российской государственностью. М., 2010. С. 151–154.

² Китаев В. А. Польский вопрос в публицистике И. С. Аксакова (первая половина 60-х гг. XIX в.) // Вопросы экономической и социально-политической истории России в XVIII–XIX вв. Сборник статей. Вып. 1. Горький, 1975. С. 70–80.

³ Горизонтов Л. Е. Славянофильство и политика самодержавия в первой половине

российского чиновничества в «польском вопросе». Рассматриваются записки высокопоставленных чиновников; при этом до восстания 1863 г. написана только статья С. П. Шипова, вторая статья — С. Сушкова — сочинена уже во время восстания. В первую очередь Горизонтов дает оценку воззрениям государственных лиц, оставляя точки зрения славянофилов на втором плане.

Н. И. Ульянов дает развернутую характеристику Ф. Духинского — польского публициста, которого критиковали славянофилы на страницах газеты «День»⁴. Впервые книга Ульянова вышла в США в 1966 г., а в нашей стране стала известна только после 1991 г. В своей монографии историк не занимается анализом взглядов славянофилов.

М. Ю. Карушева исследует поэму К. С. Аксакова, в которой он затрагивает тему русско-польских отношений в Смутное время⁵. Автор статьи не делает выводов о позициях славянофила в «польском вопросе» на основе его сочинения.

Позднее Л. Е. Горизонтов в своей монографии исследует множество проблем, связанных с «польским вопросом» в Российской империи⁶. Изучаются политика самодержавия в Царстве Польском (далее — ЦП) и Западных губерниях и судьба поляков в России начиная с 1831 г. и до 1917 г. Периоду 1831–1862 гг. уделяется достаточное внимание. В то же время взглядам славянофилов отводится очень мало места. То же можно сказать о западниках, А. И. Герцене и консерваторах. Взглядам этих общественных деятелей, так или иначе связанных с «польским вопросом», отводится лишь роль иллюстрации политических процессов, отмечается их отношение к политике российских властей на Западных окраинах страны.

В диссертации Л. Е. Горизонтова рассматривается целый комплекс вопросов русско-польских отношений имперского периода истории⁷. Содержание работы перекликается с монографией историка. В то же время автор не ставит для себя специальной задачи изучения русской общественно-политической мысли и публицистики в период между польскими восстаниями.

В труде Т. Ф. Пирожковой основное внимание отводится публицистической и журналистской деятельности славянофилов. Анализируется

60-х гг. XIX в. // Балканские исследования. Вып. 15. Россия и славяне: политика и дипломатия. Материалы международной научной конференции «Россия и славяне в XVIII в. — 1918 г.» (Москва, 25–27 июня 1991 г.). М., 1992. С. 100–107.

⁴ Ульянов Н. И. Происхождение украинского сепаратизма. М., 2007. С. 240–241.

⁵ Карушева М. Ю. К цензурной истории драмы К. С. Аксакова «Освобождение Москвы в 1612 году» // Русская литература. № 1. СПб., 1997. С. 113–123.

⁶ Горизонтов Л. Е. Парадоксы имперской политики: Поляки в России и русские в Польше (XIX — начало XX в.). М., 1999. С. 7.

⁷ Горизонтов Л. Е. Поляки и польский вопрос во внутренней политике Российской империи 1831 — нач. XX в. Автореф. ... дис. докт. ист. наук. М., 1999. С. 1–40.

судьба основных их печатных изданий. В то же время не рассматривается подробно газета И. С. Аксакова «День». Сочинения, посвященные «польскому вопросу», также не получают должного внимания⁸.

В современной польской историографии рассматриваются аспекты данной тематики, но в совокупности с другими проблемами истории. Среди них особое место занимает монография польского историка Х. Глембоцкого. На широком фоне «славянского конфликта» в первой половине XIX в. и развития русской политической жизни в этот период автор предпринял попытку анализа ключевого момента в формировании российского общественного мнения по «польскому вопросу» — начиная с «оттепели» после Севастопольской битвы, включая январское восстание 1863 г., и заканчивая первой волной реакции и репрессий, вызванных восстанием. Автор обратился к фондам основных органов царской администрации, занимавшихся «польским вопросом» либо стоявших на страже интересов своих подданных, и прежде всего — к «личным» фондам идеологов российской политики середины XIX в. и авторов проекта решения «польского вопроса». Пунктом начала отсчета в данной работе фактически является не 1856 г., а момент раздела Польши. Первая глава представляет достаточно полную картину всего политического спектра России времен севастопольской «оттепели». Автор показывает на этом фоне, как в дальнейшем шло осмысление проблемы отношения к полякам в рамках складывавшихся в это время политико-идеологических направлений: «просвещенной бюрократии», дворянского либерализма и панславизма. Вторая глава охватывает период 1861–1863 гг. — эпоху правления маркиза Велепольского и наместничества великого князя Константина. В третьей главе, посвященной 1863 г., главным героем вполне естественно становится Катков. Особое место отводится 1863 г., и подробно разбирается время восстания⁹. В то же время публицистика русских общественных деятелей тех лет рассматривается в совокупности с другими вопросами и не выделяется в отдельное исследование.

В статье того же автора повествуется о деятельности славянофила А. Ф. Гильфердинга по решению «польского вопроса» накануне Январского восстания и в ходе его умирения¹⁰. Подробно описываются взгляды и действия Гильфердинга по данной проблематике. Изучается его сотрудничество с другими славянофилами и либеральной бюрократией в ЦП. Однако статьи

⁸ Пирожкова Т. Ф. Славянофилы и их журнально-издательская деятельность. М., 2002.

⁹ Głębocki H. Fatalna sprawa. Kwestia polska w rosyjskiej myśli politycznej (1856–1866). (Пер. Фатальное дело: Польский вопрос в российской политической мысли (1856–1866). Kraków, 2000.

¹⁰ Глембоцкий Х. Александр Гильфердинг и славянофильские проекты изменения национально-культурной идентичности на западных окраинах Российской империи // Ab Imperio. 2005. № 2. С. 135–166.

и рассуждения славянофила, посвященные «польскому вопросу» до начала 1863 г., Глембоцким не рассматриваются с должным вниманием и не анализируются так же подробно, как более поздние его сочинения и проекты.

Л. П. Лаптева в своей статье отмечает, что А. Ф. Гильфердинг в исторических трудах о Польше использовал славянофильское учение¹¹. Однако автор лишь упоминает статьи славянофила, написанные до восстания 1863 г., и не дает им должной оценки, сосредотачиваясь на сочинениях автора, написанных уже в разгар восстания или позднее.

В монографии В. А. Хорева подробно изучены литературные произведения славянофилов, относящиеся к польской тематике¹². Хорев отмечает положительное отношение славянофилов к польской литературе и культуре в целом. Сочинения общественно-политической направленности не освещены автором, и он делает выводы больше по культурологическим взглядам славянофилов на «польский вопрос», а не относительно политических мнений мыслителей.

В монографии под редакцией М. Д. Долбилова и А. И. Миллера дается комплексный анализ «польского вопроса» в Российской империи¹³. Рассматриваются многие стороны жизни поляков в России. Подробно изучается политика России на Западных окраинах. Всесторонне описывается жизнь Западных губерний и ЦП. Рассмотрена деятельность как властей верховных, находящихся в столице, так и российской администрации на самих окраинах. Помимо «польского», разбирается также множество других вопросов, характерных для Западных окраин страны. Детально рассмотрен интересующий нас период между восстаниями. Дается характеристика режима И. Ф. Паскевича в ЦП и рассматривается деятельность последующих наместников в канун восстания 1863 г. Общественно-политической мысли отводится второстепенная роль в изучении проблемы. Славянофильская же мысль упоминается для характеристики имперской политики или для показа их отношения к полякам и будущему Польши. Позиции славянофилов упоминаются в связи с украинским вопросом, и приводятся их точки зрения на судьбу украинского народа. В таком же ключе упоминаются западники, А. И. Герцен, консерваторы кирилло-мефодиевцы. Авторы не делают окончательных выводов относительно планов решения «польского вопроса» общественными течениями в России исследуемого периода.

---

¹¹ Лаптева Л. П. Русский славист А. Ф. Гильфердинг (1831–1872) и его взгляд на польский вопрос // Российско-польские научные связи в XIX–XX вв. / Отв. ред. В. К. Волков. М., 2003. С. 93–94.

¹² Хорев В. А. Польша и поляки глазами русских литераторов. М., 2005.

¹³ Колл. авторов. Западные окраины Российской империи. М., 2006.

Н. В. Пислегин в своей статье рассматривает взгляды славянофила И. С. Аксакова на «польский вопрос» до начала восстания 1863 г., упоминает точки зрения Б. Н. Чичерина и К. Д. Кавелина перед Январским восстанием. Автор комментирует позицию А. С. Пушкина в 1830-е гг., после окончания Ноябрьского восстания в ЦП. Основное содержание статьи посвящено периоду 1820-х гг., времени восстания 1830 г. и периоду Январского восстания 1863 г. Что касается периода между восстаниями, то он рассмотрен кратко и довольно сжато¹⁴.

Историография, посвященная исследованию «польского вопроса» в наследи западников, вышедшего из их рядов А. И. Герцена, его соратника Н. П. Огарёва и близкого по взглядам к двоим последним М. А. Бакунина, не столь многочисленна и не всегда исчерпывающая, но, безусловно, заслуживает пристального внимания исследователя.

М. П. Драгоманов освещает «польский вопрос» на основе развития исторической науки конца XIX в.¹⁵ Украинский историк и публицист дает основательное описание взглядов рассматриваемых личностей на «польский вопрос». Анализируя мнение Герцена, он делает свои выводы на основе изучения всего доступного на тот момент наследия мыслителя. Драгоманов изначально делает акцент на то, что изучает его взгляды, исходя из интересов украинской стороны. Он утверждает, что Герцен недостаточно разбирался в «польском вопросе» и делал свои выводы исходя из личных представлений об этой проблеме, а не из реалий того времени и особенностей польской проблематики в России. Драгоманов пристально следит за мыслями Герцена относительно украинских земель и украинского аспекта «польского вопроса». Историк делает вывод, что Герцен не хотел передачи украинских губерний во владение Польши, но и не желал полной независимости Украины от России. В этом он усматривает великодержавные веяния в мировоззрении Герцена и то, что он не был подготовлен к признанию независимости Украины как от России, так и от Польши. При этом Драгоманов также упоминает о принципе федерализации Герцена, но относится к планам ее реализации весьма скептически. Он упрекает мыслителя не только в недостаточной осведомленности в «польском вопросе», но и в малой изученности украинских дел и незнании текущих событий в Правобережной Украине. Наряду с другими факторами исследователь склонен связывать это и с тем, что на Герцена оказало влияние его польское окружение в эмиграции.

---

¹⁴ Пислегин Н. В. Польский вопрос в общественной мысли России 10–60-х гг. XIX в. // http://www.hrono.ru/statii/arhiv/st_p.php (Дата обращения 29. 06. 2012.)

¹⁵ Драгоманов М. П. Герцен, Бакунин, Чернышевский и Польский вопрос. Казань, 1906.

Переходя к Н. Г. Чернышевскому, Драгоманов аналогично ставит ему в вину недостаточное знание «польского вопроса» и польско-украинских взаимоотношений. Он анализирует известную статью Чернышевского в «Современнике» о положении галицких русинов в Австрии и об их конфликте с польским населением Галиции. Историк приходит к выводу, что автор статьи симпатизирует полякам и скептически относится к украинским публицистам, высказывающим свои антипольские мнения. При этом Драгоманов утверждает, что Чернышевский, несмотря на позитивное отношение к малороссам вообще, в статье весьма плохо разбирается в украинских проблемах и необоснованно критикует представителей украинской общественности. Чернышевский, по его мнению, мало осведомлен о положении дел в Галиции и так же мало — о положении в Правобережной Украине, что и является причиной неверных воззрений русского публициста. В целом Драгоманов подчеркивает дружелюбный к полякам тон статьи Чернышевского и склонен связывать это с влиянием на автора его польских знакомых. Он ограничивает изучение творчества Чернышевского одной статьей, написанной в 1861 г.

Говоря о М. А. Бакунине, Драгоманов затрагивает его сочинения только конца 1860-х — начала 1870-х гг., не вводя в оборот его статьи начала 1860-х гг., которые являются объектом данного исследования. Объяснения этому Драгоманов не дает — возможно, ему не были доступны источники и он не мог о них судить в своей книге.

В целом Драгоманов достаточно полно раскрывает свои взгляды на творчество данных мыслителей, но его подход именно с украинской стороны не дает исчерпывающей картины изучаемого материала, потому что сосредотачиваясь на украинской проблематике, он не дает достаточно освещения непосредственно русско-польских отношений и совершенно выводит за рамки исследования полемику вокруг белорусских земель и умалчивает о Литве. При этом он подчеркивает русофильские воззрения публицистов, которые из-за этого не объявляют своего плана по представлению независимости Украины от России. Он критикует Герцена за то, что тот признаёт только две страны — Россию и Польшу, — а к Украине относится без должного внимания, не видя в ней самостоятельную страну и возможность ее появления в ближайшем будущем. К отрицательным сторонам работы можно отнести ее местами публицистический характер и отсутствие анализа взглядов других современных ему историков на представленную проблему.

В советской историографии сформировался свой взгляд на точку зрения А. И. Герцена относительно «польского вопроса».

К. Левин — один из первых советских историков — дал оценки польским взглядам А. И. Герцена¹⁶. В своей книге о Герцене, в главе, посвященной «польскому вопросу», он называет публициста пособником польского дела и националистом в духе польских патриотов. Правда, он делал такие выводы на основе действий Герцена во время восстания, мало уделяя внимания позициям Герцена до начала восстания, когда он не выказывал такой решительной поддержки надвигающегося восстания и имел разногласия с польскими руководителями повстанцев по многим решающим вопросам. Таким образом, Левин не производит отдельного анализа взглядов Герцена, предшествующих времени восстания. Он изучает в основном практические действия русского демократа, отводя на второй план теоретическую базу его концепции.

Я. Е. Эльсберг в своей книге достаточно кратко говорит о польских воззрениях Герцена¹⁷. Он упоминает биографические сюжеты из жизни последнего, повествуя о его контактах с поляками в начале 1860-х гг., пишет об отведении огромного и важного места Украине в новой России. В целом он в своей монографии не уделяет много времени «польскому вопросу» и ограничивается анализом связей Герцена с революционными поляками.

Монография И. М. Белявской является качественным и подробным трудом по изучению польской концепции А. И. Герцена¹⁸. В книге всесторонне изучены период вызревания устойчивых взглядов Герцена на «польский вопрос» и историография проблематики, привлечено много источников, а также связи Герцена с революционным движением поляков. Показаны как теоретическая сторона участия Герцена в польской проблеме, так и его практические действия по налаживанию связей с польской демократической эмиграцией и подготовка к восстанию в Польше. Упоминается и Чернышевский — Белявская ставит ему в заслугу то, что он поднялся до понимания классовой сущности национальных противоречий между украинцами и поляками.

Историк большое внимание уделяет контактам Герцена и польской демократической эмиграции, отмечая все перипетии этого процесса. Белявская настойчиво подчеркивает, что он сотрудничал только с демократической частью польского движения, показывая этим революционность Герцена и его стремление свергнуть царизм в союзе с польскими единомышленниками. По словам историка, он «поддерживал тесные отношения с лучшей частью польской демократической эмиграции и был беспощаден

¹⁶ Левин К. А. И. Герцен. Идеология. Личность. М., 1922. С. 77–78, 82, 84, 90–91.

¹⁷ Эльсберг Я. Е. А. И. Герцен: Жизнь и творчество. М., 1948. С. 403.

¹⁸ Белявская И. М. А. И. Герцен и польское национально-освободительное движение 60-х годов XIX века. М., 1954. С. 89–135.

к польским националистам, которые были врагами не только русского, но и польского народа»¹⁹. Автор книги делает вывод, что Герцен был всецело за независимость Польши, но Польши новой демократической, а не старой аристократической.

Белявская критически оценивает деятельность Бакунина в данный период, называя его мировоззрение анархистским и противоречащим взглядам Герцена. Бакунин занимал авантюристскую позицию по отношению к реализации планов восстания. По мнению исследователя, раскол между Герценом и Бакуниным в данном вопросе наметился уже в 1862 г.

Основное внимание Белявская уделяет рассказу о формировании русско-польского революционного союза в 1862 г., бесспорным организатором которого с российской стороны был А. И. Герцен.

Однако в работе имеются и недочеты. Недостаточно проработан публицистический материал Герцена. Масса статей «Колокола» 1858–1862 гг., посвященных «польскому вопросу», остаётся неизученными. Чрезмерное, свойственное советской историографии, углубление в сферу революционных событий в жизни Герцена; стремление доказать, что Герцен был революционером и именно по этим принципам сблизился с польскими товарищами и всецело одобрял их национально-освободительное движение; пальма первенства в изучении польских взглядов Герцена отдана социальному вопросу, а не национальному. Классовый подход заставляет рассматривать Герцена и его польских коллег как противников царского режима и борцов с угнетателями народа — и никак иначе. Показаны разногласия Герцена только с националистическим крылом польского движения, но мало разобраны противоречия с демократической частью эмиграции, с представителями Центрального Варшавского комитета. В переговорах с ними имели место разногласия, касающиеся как раз национального вопроса и будущего Западных губерний, но это слабо отражено в монографии. Наконец, автор разбирает только период начала 1860-х гг., опуская не только 1840-е но и отчасти 1850-е гг., оставляя их изучение другим исследователям, однако предпосылки действий Герцена и его основные умозаключения зародились именно в то время и получили развитие уже в начале 1860-х гг., но Белявскую это не смущает. Историк лишь кратко характеризует его письма о Польше 1859 г. и другие основные статьи и воззвания.

Статья Г. Г. Фруменкова охватывает период первых попыток осмысления Герценом «польского вопроса» и также заслуживает внимания²⁰.

¹⁹ Белявская И. М. А. И. Герцен и польское национально-освободительное движение 60-х годов XIX века. М., 1954. С. 88.

²⁰ Фруменков Г. Г. А. И. Герцен и польский вопрос в 30–50-е годы XIX века / Труды

Историк привлек много источников и подробно показал развитие мировоззрения Герцена. Фруменков повествует о его первых годах жизни в Лондоне и сближении с польской эмиграцией. Описываются взаимоотношения с польским эмигрантом С. Ворцелем и помощь поляков в открытии Вольной русской типографии в 1853 г. Прослеживаются замыслы Герцена об идее совместной борьбы с поляками против царизма в России. В то же время недостаточное внимание уделяется теоретическим умозаключениям Герцена в решении «польского вопроса». Показана очень ярко выраженная идея борьбы с царской властью, которая затмевает остальные аспекты концепции Герцена.

В следующей статье Г. Г. Фруменков осветил короткий период деятельности Герцена²¹. Автор анализирует статьи «Колокола» периода 1860–61 гг. и подчеркивает, что Герцен очень сочувствует польской трагедии и расстрелам в ЦП в 1861 г. Фруменков показывает солидарность с польской скорбью в данный период. Делается акцент на отрицательное отношение Герцена к действиям российских властей и его требование прекращения ущемления Польши. Исследуется влияние статей и листовок Герцена на российское офицерство в Западном крае. Фруменков доказывает, что Герцен имел большое влияние на настроения офицеров российской армии, и они его поддерживали касательно его позиции в «польском вопросе». Фруменков старается сравнить позиции И. С. Аксакова и Герцена в отношении ситуации вокруг польских событий. Историк доказывает правильность критики Герценом Аксакова за националистические высказывания и неразумную, на его взгляд, критику поляков. Отрицательными моментами статьи можно назвать преувеличенное внимание к революционности Герцена и польских деятелей. Период, рассматриваемый в статье, заканчивается 1861 г., хотя логично было бы продолжить анализ событий 1862 г., которые неразрывно связаны между собой, но автор только упоминает о польско-русском революционном союзе 1862 г. и на этом завершает свою статью. В целом Г. Г. Фруменков внес посильный вклад в изучение «польского вопроса» в работах и жизни Герцена данного периода.

Работа Я. И. Линкова также заслуживает внимания²². В ней анализируется взаимодействие Герцена и недавно образованной организации «Земля и воля» в подготовке решительных действий против властей в союзе с польской стороной. Автор анализирует взаимодействия «Комитета рус-

Архангельского государственного педагогического института. Вып. 1. Архангельск, 1956. С. 3–32.

²¹ Фруменков Г. Г. Указ. соч. Вып. 3. Архангельск, 1959. С. 36–51.

²² Линков Я. И. Революционная борьба А. И. Герцена и Н. П. Огарёва и тайное общество «Земля и воля» 1860-х годов. М., 1964.

ских офицеров в Польше» во главе с А. Потебней. Показано влияние Герцена на членов этой организации. Именно у него были взяты идеологические основы, касающиеся «польского вопроса». В статье рассказывается о пропагандистской деятельности «Комитета» в ЦП, рассмотрена точка зрения Герцена и Огарёва о сроках начала восстания, его возможности и необходимости. Линков делает вывод, что Герцен хотел отложить восстание, понимая, что силы еще не готовы к открытой борьбе и что среди русских нет должной организации, и это может погубить восстание совсем. Мнение Бакунина считается нецелесообразным и в корне неверным. Он желал начала восстания любым путем и не думал о последствиях, что является ошибкой. В то же время автор не уделяет должного внимания теоретической стороне дела в решении «польского вопроса», а увлекается в основном практическими действиями Герцена и участников «Земли и воли» по подготовке базы для начала восстания.

В биографическом исследовании В. А. Прокофьева, посвященном А. И. Герцену, «польскому вопросу» уделяется очень мало внимания. Повествование сводится к перечислению действий и встреч Герцена и Огарёва в период подготовки восстания. Кратко говорится о связях Герцена с польскими повстанцами, «Комитетом русских офицеров в Польше» и с организацией «Земля и воля». Упоминается встреча Герцена и Бакунина и их совместная деятельность перед началом восстания. Прокофьев обвиняет Бакунина в «авантюризме и мелкобуржуазном анархизме»²³. Достаточно кратко описываются период польского восстания и деятельность Герцена в то время.

В биографии П. Я. Чаадаева, написанной Б. Н. Тарасовым, совсем немного внимания уделяется его воззрениям на «польский вопрос»²⁴. Автор говорит о выводах Чаадаева в его статье о «польском вопросе». Кроме того, упоминается и оценка стихотворений на польскую тему А. С. Пушкина, позиции которого поддерживал Чаадаев. Окончательных и исчерпывающих выводов о взглядах Чаадаева на «польский вопрос» автор биографии не делает.

Что касается современной историографии, то здесь также можно выделить ряд работ, посвященных интересующим нас вопросам.

Так, Д. И. Олейников рассматривает движение западников и уделяет внимание публицистической деятельности участников кружка, из которой видно, что западники в своих журналах практически не уделяли внимания польской проблематике²⁵.

²³ Прокофьев В. А. Герцен. М., 1979. С. 346–347.

²⁴ Тарасов Б. Н. Чаадаев. М., 1986. С. 244–245.

²⁵ Олейников Д. И. Классическое российское западничество. М., 1996.

В монографии В. Г. Шукина дается оценка личности и деятельности П. Я. Чаадаева²⁶. Рассматривается фигура А. И. Герцена как участника кружка западников. Проводится анализ воззрений западников по национальному вопросу, в котором отмечается и «польский вопрос». Автор приходит к выводу, что западники критически относились к полякам и не симпатизировали им. В то же время они практически не выражали свою точку зрения публично, оставляя ее частной и не занимаясь общественной пропагандой своих мнений по «польскому вопросу». В. Г. Белинский весьма редко упоминал в своих статьях поляков. Автор монографии приводит не очень много примеров высказываний западников о «польском вопросе». Он не выделяет отдельно их позиции на протяжении 1830-х — начала 1860-х гг. и нераздельно связывает их с более поздними мнениями, навеянными впечатлениями от восстания 1863 г. Обобщающего вывода, касающегося исключительно «польского вопроса», в воззрениях западников автор не делает. Позиция Герцена, которая является предметом изучения автора книги, также совершенно не рассматривается, а лишь однажды упоминается отрицательное отношение Герцена к польскому национализму, что мало проливает свет на многослойную и развитую позицию Герцена в «польском вопросе».

В новой биографической книге о Герцене, написанной И. А. Желваковой, передается атмосфера, в которой он жил и в которой делал начальные выводы в понимании «польского вопроса» в 1850-е гг.²⁷ Показаны условия, в которых Герцен создавал свои первые прокламации, и какова была реакция на них российской публики. Однако события начала 1860-х гг., связанные с польским делом, несмотря на их значимость и многочисленность, практически не рассмотрены исследователем. Глава, посвященная 1863 г., рассказывает непосредственно об участии Герцена в помощи восстанию, а не о его прелюдии. Рассматриваются взаимоотношения Герцена с Бакуниным и их разногласия. Описание событий 1850-х гг. в какой-то степени повторяет материалы трудов советской историографии, но уже без идеологического шлейфа. Самостоятельных выводов по отношению Герцена к «польскому вопросу» и теоретической разработке его решений автор также не публикует.

Еще одна из заметных фигур той поры — Михаил Петрович Погодин.

Научный интерес к личности этого крупного историка и публициста вызывается прежде всего тем, что его взгляды и позиции эволюционировали, испытывая на себе влияние как меняющейся обстановки в стране,

---

²⁶ Шукин В. Г. Русское западничество. Генезис — сущность — историческая роль. Лодзь, 2001.

²⁷ Желвакова И. А. Герцен. М., 2010. С. 539.

так и идейных исканий образованной части общества. Зачастую он оказывался на стыке основных течений общественной мысли 20–70-х гг. XIX в., играя роль своеобразного связующего звена между ними. Таким образом, исследование его взглядов, особенно касающихся «польского вопроса», а также его деятельности, поможет подробнее осветить и общественно-политическую ситуацию в России рассматриваемого периода, и отдельные направления общественно-политической мысли, и суть полемик, которые активно велись их представителями.

На основании анализа взглядов и деятельности Погодина можно проследить становление личности национально-консервативного типа в условиях изменения общественной обстановки и правительственного политического курса.

В историографии темы можно выделить три этапа ее развития: дореволюционный, советский и современный. В дореволюционной литературе сложились следующие направления: критическое, представленное в первую очередь работами либеральных и некоторых революционно-демократических авторов; панегирическое, созданное в основном учениками Погодина; объективистское, в котором преобладала взвешенная оценка его творческого наследия.

В дореволюционной историографии важное место занимает труд Н. П. Барсукова о жизни и деятельности М. П. Погодина²⁸. Всего было издано 22 книги этого громадного биографического труда. Иными словами, это своеобразная энциклопедия общественной жизни России времен М. П. Погодина. Сочинение имеет отчасти публицистический и описательный характер. В нем рассказывается о сочинениях Погодина по «польскому вопросу», приводятся его размышления, описываются личные встречи героя книги с известными польскими учеными, поэтами и с самыми обычными людьми. Барсуков не делает серьезных выводов и заключений о точке зрения Погодина на «польский вопрос».

В. О. Ключевский, указывая на разнообразие интересов Погодина, его увлеченность частными вопросами, весьма низко оценивал общий научный уровень его исследований²⁹. Взгляды и общественную позицию Погодина он трактовал как типично славянофильские.

Деятели революционно-демократического лагеря стремились не столько изучить, сколько разоблачить деятельность и взгляды Погодина. Так, по словам А. И. Герцена, Погодин и другие «славянофилы» занимаются

---

²⁸ Барсуков Н. П. Жизнь и труды М. П. Погодина. Книга 5. СПб., 1892. С. 214–215, 223, 279; Он же. Жизнь и труды М. П. Погодина. Книга 15. СПб., 1901. С. 40–42, 49–51.

²⁹ Ключевский В. О. Собрание сочинений в 9 тт. Т. VII. Специальные курсы. М., 1989. С. 293–295.

доносами «из убеждений»³⁰. Появлялись в дореволюционной историографии и сочинения панегирического характера.

Третье, объективистское направление было представлено прежде всего в работах К. Д. Кавелина. Он весьма своеобразно оценивал общественную позицию Погодина, полагая, что накануне реформы последний мог бы объединить всех западников и славянофилов, требующих отмены крепостничества. Кавелин обнаруживал в его взглядах некую национально-либеральную компоненту, а в личности — потенциальные задатки лидера всей мирной оппозиции³¹.

Весьма объективно характеризовал деятельность Погодина К. Н. Бестужев-Рюмин. Отдавая должное высоким профессиональным и человеческим качествам ученого, он всё же указывал, что Погодин слишком много места отводил частным вопросам и старательно преследовал всё, что, по его мнению, было похоже на обобщение³².

Таким образом, дореволюционная историография, при всём ее внимании к творчеству Погодина, так и не обращалась к специальному анализу его общественно-политических взглядов.

После революции 1917 г. в историографии утверждаются оценки революционных демократов, ставшие своеобразной методологической основой изучения жизни и творчества Погодина. В различных трудах Погодин характеризовался как сторонник охранительного направления, идеолог теории «официальной народности»³³.

Среди преобладающего в советской историографии негативного восприятия взглядов и деятельности Погодина особое место занимают работы В. К. Терещенко³⁴. Несмотря на неизбежный набор идеологических штампов, автор пыталась преодолеть методологические шоры и объективно осветить деятельность Погодина, представить его публицистом с довольно целостной и сложной позицией, не позволяющей отнести его ни к славянофилам, ни к западникам. «Польскому вопросу» в трудах Погодина автор практически не уделяет внимания, за исключением упоминания о восстании в Польше в 1831 г.

³⁰ Герцен А. И. Собрание сочинений: в 30 тт. Т. II. М., 1956.

³¹ Кавелин К. Д. Собрание сочинений. Т. I. Монографии по русской истории. СПб., 1904. С. 101–105.

³² Бестужев-Рюмин К. Н. Биографии и характеристики. СПб., 1882. С. 234–248.

³³ Дмитриев С. С. Славянофилы и славянофильство // Историк-марксист. 1941, № 1; Дудзинская Е. А. Славянофилы в общественной борьбе. М., 1983.

³⁴ Терещенко В. К. М. П. Погодин в общественно-идеологической борьбе 30–50-х годов XIX столетия. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1975. С. 3–30.

Исследователь освещает общественные позиции Погодина в 1850-е гг., не выходя за рамки этого периода. Автор в большей степени анализирует «славянский вопрос» в воззрениях ученого, нежели его мнения конкретно о «польском вопросе»³⁵. Общественно-политические взгляды Погодина рассматривались как яркое и типичное проявление теории «официальной народности».

Современная историография темы представлена рядом монографий и статей, посвященных непосредственно Погодину, а также истории консервативной мысли России XIX — начала XX в. Так, А. Н. Бачинин положительно оценил деятельность Погодина, подчеркнув ее просветительский характер и утверждая, что она не может считаться воплощением лишь теории официальной народности³⁶. В данной статье он исследует весь период рассмотрения Погодиным «польского вопроса» до конца 1860-х гг., тем самым не акцентируя внимания на выводах Погодина, сделанных до 1863 г., которые отличались от более поздних, озвученных уже в период восстания. Автор анализирует только публицистические статьи Погодина, не упоминая о личной переписке и замечаниях.

Статья Дж. Хи-Сок, посвященная славянским взаимоотношениям в сочинениях Погодина, подробно и объективно оценивает его позиции, упоминает о различиях взглядов историка и императора Николая I на «славянский вопрос». В ней анализируются планы Кирилло-Мефодиевского общества по созданию Славянского государства³⁷. «Польский вопрос» не изучается подробно — только в контексте взглядов на «славянский вопрос». Не исследуется период начала 1860-х гг. в наследии Погодина, когда он откликался на польские события рядом новых статей.

Из специальных исследований, непосредственно анализирующих жизненный путь Погодина, необходимо отметить труд К. Б. Умбрашко³⁸. Подробному и тщательному анализу подверглась историческая концепция Погодина, представленная как целостная система, оказавшая значительное влияние на последующее развитие русской исторической науки. Однако

---

³⁵ Терещенко В. К. Общественно-политические позиции М. П. Погодина в середине 50-х годов XIX века // Проблемы истории СССР. Вып. 4. М., 1974. С. 213–237.

³⁶ Бачинин А. Н. Россия и Польша в историко-политической публицистике М. П. Погодина // Балканские исследования. Вып. 16. Российское общество и зарубежные славяне XVIII — начало XX века. Материалы международной научной конференции «Россия и славяне в XVIII в. — 1918 г.» (Москва, 25–27 июня 1991 г.). М., 1992. С. 165–174.

³⁷ Хи-Сок Д. М. П. Погодин и Кирилло-Мефодиевское общество в 30–50-х гг. XIX в. о славянском единстве (сравнительно-исторический анализ) // Вопросы истории. 1996. № 7. С. 137–149.

³⁸ Умбрашко К. Б. М. П. Погодин. Человек. Историк. Публицист. М., 1999.

в самом названии работы ставилась задача дать портрет не только Погодина-историка, но и Погодина — общественного деятеля. На практике же автор лишь обрисовал круг лиц, в котором вращался Погодин, а также кратко изложил его издательскую деятельность. В результате в работе Умбрашко общественно-политические воззрения и деятельность Погодина так и не получили должного освещения.

Особое место в современной историографии темы занимает монография Н. И. Павленко³⁹. Автор проделал огромную работу по сбору опубликованных материалов, характеризующих различные аспекты деятельности Погодина, привлекал, хоть и ограниченно, архивные документы ОР РГБ. Однако общественно-политические взгляды ученого получили в ней весьма поверхностное рассмотрение. Отношение Погодина к «польскому вопросу» также просматривается слабо. Он повествует о судьбе статей Погодина на польскую тему, но не анализирует сами статьи. В то же время Павленко уделяет больше внимания суждениям Погодина о «славянском вопросе» и его панславистским убеждениям. Упор в исследовании делается на период Крымской войны.

В монографии К. В. Рясенцева исследуются политические идеи М. П. Погодина. Большое внимание уделяется «славянскому вопросу» и панславистским взглядам⁴⁰. В проектах Погодина «польский вопрос» рассматривается в контексте «славянского вопроса». «Польский вопрос как часть славянского вопроса в творчестве Погодина занимает очень большое место, и анализ взглядов мыслителя, претерпевших за сорок лет известную эволюцию, нужно осуществлять специально»⁴¹, — резюмирует автор. Таким образом, исследователь признаёт важное место «польского вопроса» в творчестве Погодина, называет его частью «славянского вопроса», не объясняя, почему именно такое соотношение им выбрано, однако рассматривать и изучать его подробно в данном исследовании не планирует.

В диссертации К. В. Рясенцева также большее внимание уделено позиции Погодина относительно «славянского вопроса» и чертам панславизма в его рассуждениях. В меньшей степени исследователь изучает «польский вопрос» в наследии историка. «Не до конца понятно отношение Погодина к Польше», — делает вывод Рясенцев. В то же время автор отмечает, что, по мнению Погодина, «судьба Польши выделяется из общей судьбы широких вопросов»⁴².

---

³⁹ Павленко Н. И. Михаил Погодин. М., 2003.

⁴⁰ Рясенцев К. В. М. П. Погодин: политические идеи и проекты. М., 2007. С. 103–160.

⁴¹ Там же. С. 109.

⁴² Рясенцев К. В. Политический консерватизм М. П. Погодина (1800–1875). Дис. ... канд. полит. наук. М., 2007. С. 154.

В исследовании Д. А. Иванникова рассматриваются научная и общественно-политическая деятельность М. П. Погодина. Воззрения публициста по «польскому вопросу» затрагиваются косвенно и в связи с другими вопросами. Дается только краткая характеристика статей Погодина, посвященных данному вопросу⁴³.

В статье А. А. Ширинянца, подготовленной к конференции «Россия и Польша: проблемы взаимного восприятия», говорится об отношении Погодина к Польше и «польскому вопросу». Отмечается негативное отношение историка к польской шляхте. Ширинянец вкратце рассматривает его статьи 1830-х и 1850-х гг., отмечая, что позиция их автора претерпела изменения⁴⁴. В большей степени исследователь заинтересован публикациями Погодина 1863 г. и более поздними — периода польского восстания. Также отмечается его влияние на русскую консервативную идеологию после 1863 г.

Рассмотрение достаточно обширной историографии темы позволяет сделать вывод, что наиболее полно была исследована вышеперечисленными учёными деятельность Погодина в качестве преподавателя, историка и публициста; значительно меньше, а главное — тенденциознее — освещались его общественно-политические взгляды, рассматриваемые, как правило, в рамках теории «официальной народности».

В монографии зарубежного исследователя Тимоти Снайдера рассказывается о формировании национальностей в Великом Княжестве Литовском и Речи Посполитой и об их судьбе после разделов республики в XVIII в. Особое внимание уделяется Адаму Мицкевичу и его политическим идеям⁴⁵. В то же время русским общественным и культурным деятелям отведено минимальное внимание.

---

⁴³ Иванников Д. А. Общественно-политические взгляды и деятельность М. П. Погодина. Дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. С. 126.

⁴⁴ Ширинянец А. А. Погодин и Польша («Польский вопрос» в политической публицистике русского консерватора) // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. 2011. № 5. С. 138–139.

⁴⁵ Snyder T. The Reconstruction of Nations. Poland, Ukraine, Lithuania, Belarus, 1569–1999. (пер. Реконструкция наций. Польша, Украина, Литва, Беларусь, 1569–1999) New Haven, London, 2003. P. 28–30, 101, 222–283, 248, 271.

Источниковая база

Источниковая база представлена неопубликованными архивными материалами: из ОР РГБ из фонда Елагиных⁴⁶, а также материалы славянофила П. В. Киреевского⁴⁷. Материалы из фонда Каткова с речью Николая I⁴⁸. Материалы из фонда А. И. Герцена и Н. П. Огарёва — опубликованные, но тем не менее представляющие ценность на языке оригинала⁴⁹, и письма Герцена к Дж. Гарибальди⁵⁰.

В РГАЛИ представлена неопубликованная поэма К. С. Аксакова⁵¹, а также неопубликованные переводы произведений А. Мицкевича, свидетельствующие об интересе славянофила к польской поэзии⁵².

Переписка И. С. Аксакова с Цензурным комитетом, говорящая о трудностях, вставших перед редактором «Дня», когда он опубликовал анонимное письмо православного священника из Западных губерний и письма к нему из Западного края, написанные поляками⁵³.

Сочинение Погодина, хотя и опубликованное, но представленное в рукописи с незначительными отличиями от печатного варианта, сохраняющее свою специфику⁵⁴. Письмо М. П. Погодина к графине А. Д. Блудовой, посвященное событиям в Западном крае в конце 1862 г.⁵⁵. В фонде А. И. Герцена есть адреса поляков, присланные в его поддержку с подписью многих выходцев из Польши⁵⁶. Статьи и воззвания А. И. Герцена, из которых видно, что они напечатаны при помощи польских сподвижников Герцена⁵⁷.

В ГАРФе в фонде III отделения есть отрывки из писем И. С. Аксакова, касающиеся «польского вопроса»⁵⁸ и А. И. Кошелева⁵⁹. Письма с упоминанием

---

⁴⁶ Отдел Рукописей Российской Государственной Библиотеки (далее — ОР РГБ). Ф. 99. К. 11. Д. 21. Л. 1–1 об.

⁴⁷ ОР РГБ. Ф. 99. К. 11. Д. 23.

⁴⁸ ОР РГБ. Ф. 120 (*Катков М. Н.*). К. 55. Д. 18. «Речь Николая I». Л. 1–1 об.

⁴⁹ ОР РГБ. Ф. 69. К. 17. Д. 7. Л. 4–5.

⁵⁰ ОР РГБ. Ф. 69. К. 20. Д. 41. Снимок 2.

⁵¹ Российский государственный архив литературы и искусства (далее — РГАЛИ). Ф. 10. Оп. 4. Д. 70 (1, 2, 3).

⁵² РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 4. Д. 78 (1). Л. 26–28.

⁵³ РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 1. Д. 139, 134, 140.

⁵⁴ РГАЛИ. Ф. 373. Оп. 1. Д. 10. Л. 1 об.

⁵⁵ РГАЛИ. Ф. 373. Оп. 3. Д. 32.

⁵⁶ РГАЛИ. Ф. 129. Оп. 1. Д. 13. Подписи поляков на Л.: 2, 3–3 об., 4 об., 5 об., 6–6 об., 7–7 об., 8–8 об., 9–9 об.

⁵⁷ РГАЛИ. Ф. 2591. Оп. 1. Д. 92. Л. 9.

⁵⁸ Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 109 С/А. Оп. 2. Д. 383. Л. 1–2.

⁵⁹ ГАРФ. Ф. 109 С/А. Оп. 2. Д. 359. Л. 20.

А. И. Герцена и его мнением о «польском вопросе»⁶⁰. Воззвания и листовки «Земли и воли», распространяемые в Западном крае и ЦП перед восстанием⁶¹. Было найдено распоряжение наместника ЦП князя Горчакова о введении там военного положения и о введении в г. Варшаве осадного положения в марте 1861 г.⁶² В документе приводится описание причин, из-за которых необходимо ввести военное положение в Царстве.

Записка М. П. Погодина, опубликованная им позднее, однако имеющая неопубликованную рецензию на нее одного из представителей политической элиты с положительной оценкой и рекомендацией к прочтению ее императором в 1861 г.⁶³ В фонде семьи С. С. Уварова ОПИ ГИМа сохранились статьи, посвященные «польскому вопросу», которые были написаны во время Крымской войны⁶⁴. Статья под заглавием «К полякам» встречается в указанном выше фонде, а также практически без изменений в тексте присутствует в фонде Аксаковых в ОР РГБ⁶⁵. Любопытно, что в данном архиве имеется значительный фонд, посвященный самому М. П. Погодину, но в котором, несмотря на установленное авторство ученого, данная статья мною не обнаружена.

База опубликованных источников обширна. Из них можно выделить сочинения и сборники статей, изданные отдельными книгами и брошюрами. Опубликована трагедия А. С. Хомякова «Дмитрий Самозванец», в которой даются характеристики польским участникам событий Смутного времени и их контактам с русскими⁶⁶. Стихотворения, показывающие позиции славянофилов А. С. Хомякова и К. С. Аксакова в «польском вопросе» в начале их деятельности⁶⁷. Ценным источником являются статьи Ю. Ф. Самарина, высказывавшегося по «польскому вопросу» и по украинскому делу в совокупности⁶⁸. Замечательны они тем, что несмотря на свою краткость, являются выражением взглядов Самарина задолго до событий начала 1860-х гг. Это помогает проследить развитие его взглядов в данном вопросе. Письмо Хомякова с ценной информацией о его взглядах,

⁶⁰ ГАРФ. Ф. 109 С/А. Оп. 1. Д. 129. Л. 1.

⁶¹ ГАРФ. Ф. 109 С/А. Оп. 2. Д. 391. Л. 21.

⁶² ГАРФ. Ф. 109 С/А. Оп. 2. Д. 364. Л. 1–6.

⁶³ ГАРФ. Ф. 109 С/А. Оп. 2. Д. 385. Л. 4.

⁶⁴ Отдел письменных источников Государственного Исторического Музея (далее – ОПИ ГИМ). Ф. 17. Оп. 2. Д. 285. Л. 144 об.

⁶⁵ ОПИ ГИМ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 285. Л. 153 об.; ОР РГБ. Ф. 3/1. (Аксаковы). К. 5. Д. 10. «К полякам». Л. 1–1 об.

⁶⁶ Хомяков А. С. Дмитрий Самозванец. СПб., 1899. С. 19–25, 56–60.

⁶⁷ Хомяков А. С., Аксаков К. С. Стихотворения А. С. Хомякова и К. С. Аксакова. СПб., 1913.

⁶⁸ Самарин Ю. Ф. Сочинения Ю. Ф. Самарина. Т. I. Статьи разнородного содержания и по польскому вопросу. М., 1900. С. 344.

опубликованное в 1880-х гг. и вызывавшее интерес читателей даже через столько лет, безусловно, важно для изучения⁶⁹. Статьи славянофила И. С. Аксакова, напечатанные в газете «День» и выдержавшие два переиздания в Собраниях сочинений еще в XIX в., заслуживают пристального внимания исследователя⁷⁰. Они позволяют понять точку зрения Аксакова, ощутить ту атмосферу, в какой он создавал свои статьи, и почувствовать специфику того времени. Записки Н. В. Берга дают очень много полезной информации о событиях 1830–60-х гг. в польских землях⁷¹. Дано подробное описание деятельности и настроений участников многих польских заговоров и антиправительственных действий как на территории России, так и в Пруссии и Австрии. Дается характеристика действий российской администрации в ЦП, описывается поведение наместников и их окружения во время польских волнений. Основное внимание уделяется событиям в ЦП и умалчивается о протестных действиях поляков и реакции администрации в Западных губерниях в 1861–62 гг., за исключением рассказа о Городельской годовщине. Автор книги, участник событий в ЦП 1863 г., имеет свой взгляд на все описанные события с точки зрения человека, поддерживающего самодержавие и целостность Российской империи. Он придерживается взглядов, характерных для писателей его времени, и от этого ценность его труда как исторического источника только возрастает.

Брошюры Ф. Духинского позволяют увидеть, каких взглядов по отношению к русским придерживались яркие представители польского общественного движения того времени⁷². Автор показывает, с какими проявлениями польской идеологии приходилось сталкиваться русским общественным деятелям. В газете «День» встречаются упоминания теории Духинского и ее критика со славянофильской стороны. Краткие сочинения С. П. Шипова — чиновника, прослужившего долгое время в ЦП, — безусловно, также заслуживают нашего внимания⁷³. Его статьи показывают воззрения участников осуществления политики правительства в польских землях. Его записи дают понять, как чиновники сами планировали собственные решения «польского вопроса» и чем они отличались и солидаризировались с официальной идеологией и программой правительства. В сочинении прослеживается влияние славянофильских воззрений по «польскому

⁶⁹ Хомяков А. С. Польский вопрос. М., 1881. С. 1.

⁷⁰ Аксаков И. С. Сочинения И. С. Аксакова. Т. III. Польский вопрос и западно-русское дело. Еврейский вопрос. СПб., 1900. С. 6–16.

⁷¹ Берг Н. В. Записки о польских заговорах и восстаниях 1831–1862. М., 2008. С. 391–393.

⁷² Duchinski F. Do rządu narodowego powstanczego. Духинский Ф. (Пер. — К правительству национальному повстанческому). Париж, 1863. С. 5–11.

⁷³ Шипов С. П. Россия и Польша, связь их и взаимные отношения. М., 1860. С. 1–10.

вопросу» на Шипова, что позволяет выявить связи русских общественно-политических учений и государственной мысли на конкретном примере и возможность сравнить эти направления⁷⁴. Еще ценно то, что эти издания были опубликованы до 1863 г. и дают возможность узнать, какие именно сочинения могли быть напечатаны в тот период и что именно имели возможность прочитать российские граждане о «польском вопросе». Публицистическое наследие М. П. Погодина представлено большим количеством статей, написанных более чем за тридцатилетний период⁷⁵. В книге напечатаны и ранее опубликованные статьи, и те из них, которые до этого имели хождение только в рукописных копиях. При этом они печатаются почти без изменений и без купюр, что позволяет со всей полнотой оценить размышления и суждения Погодина о «польском вопросе». Статьи помогают понять его точку зрения и его понимание русско-польских отношений на протяжении долгого периода времени. Некоторые статьи сопровождаются позднейшими комментариями, что позволяет еще лучше понять ход мыслей Погодина и узнать, при каких обстоятельствах они были написаны. В книге М. П. Погодина «Историко-политические письма и записки в продолжение Крымской войны. 1853–1856» присутствуют статьи о Польше периода Крымской войны, а в статьях о других политических вопросах также встречаются упоминания польской тематики⁷⁶. Подробно обсуждается «славянский вопрос», и можно изучать воззрения Погодина, имеющие панславистский характер. Комментарии к некоторым статьям проливают свет на их судьбу до опубликования и отношение к ним властей Империи.

Сочинение маркиза де Кюстина имеет редкие упоминания о русско-польских отношениях⁷⁷. Обращает на себя внимание мысль де Кюстина о предоставлении большей гласности для обсуждения «польского вопроса» в России. М. П. Погодин, являясь сторонником совершенно другой идеологии, нежели маркиз, на рубеже 1830–40-х гг. аналогично высказывался в своих статьях об увеличении гласности в дискуссии вокруг «польского вопроса».

Брошюра С. Панютинина — свидетеля событий 1861 г. — повествует о первых волнениях в Варшаве⁷⁸. Автор говорит о действиях поляков и ответных мерах царской администрации. Панютин рассказывает

---

⁷⁴ Шипов С. П. О существе польских волнений. М., 1862. С. 1–9.

⁷⁵ Погодин М. П. Польской вопрос. Собрание разсуждений, записок и замечаний. М., 1867.

⁷⁶ Погодин М. П. Историко-политические письма и записки в продолжение Крымской войны. 1853–1856. М., 1874.

⁷⁷ Кюстин де А. Николаевская Россия. М., 1990. С. 256–257.

⁷⁸ Панютин С. События, предшествовавшие восстанию в Польше в 1861 г. СПб., 1902. С. 268–284.

о положении наместника князя Горчакова. По мнению автора брошюры, положение наместника было очень трудным и он находился в полном неведении, что предпринять в данной ситуации. Петербург давал противоречивые указания, манифестанты не отступали и требовали выполнения своих просьб. В итоге всё это сломило князя, и он скончался. На этом Пашютин заканчивает свой рассказ. Сочинение содержит много фактов, однако выводов делается мало, но ценность его заключается в том, что там показываются положение властей и восприятие русскими чиновниками варшавских событий.

Записка о «польском вопросе» Чаадаева важна для изучения его позиции по интересующему нас вопросу⁷⁹. Его сочинение впервые было опубликовано в советское время, и с этим памятником общественной мысли теперь можно ознакомиться. В советском и в новом переиздании статья сопровождается важными комментариями исследователей к творчеству мыслителя⁸⁰.

В статье В. Г. Белинского «История Малороссии» главное место отводится истории украинского народа, а «польский вопрос» рассмотрен недостаточно и в основном описана история польско-украинских отношений⁸¹. В частном письме В. П. Боткину Белинский сожалеет о том, что ранее критиковал А. Мицкевича, а также относится с сочувствием к бедам польского народа во время Ноябрьского восстания⁸². В некоторых своих высказываниях он поддерживает русификацию украинцев, но в то же время о русификации поляков он не пишет⁸³. В письме к Анненкову русский критик отрицательно отзывался об украинском поэте Т. Г. Шевченко и об общественном деятеле П. Кулише⁸⁴. Это позволяет сделать вывод, что Белинский больше интересовался украинским вопросом и критиковал украинцев за их сепаратистские заявления. О поляках он говорил меньше и высказывался осторожнее и терпимее, чем о малороссах.

Наследие А. И. Герцена — выдающегося русского мыслителя — велико и неисчерпаемо. Герцен много времени посвятил в своем творчестве «польскому вопросу» и описанию своих взаимоотношений с поляками.

В нетленном автобиографическом сочинении «Былое и думы» Герцен описывает разные стороны жизни своей и близких ему людей. Он вспоминает и описывает кружок западников, к которым причисляет и себя,

⁷⁹ Чаадаев П. Я. Сочинения. М., 1989.

⁸⁰ Чаадаев П. Я. Философические письма; Апология сумасшедшего. М., 2009.

⁸¹ Белинский В. Г. Полное собрание сочинений. Т. VII. Статьи и рецензии. М., 1955.

⁸² Белинский В. Г. ПСС. Т. XI. Письма. 1829–1840. М., 1956

⁸³ Белинский В. Г. ПСС. Т. V. М., 1954.

⁸⁴ Белинский В. Г. ПСС. Т. XII. Письма. 1841–1848. М., 1956. С. 440–441.

и посвящает этому главу под названием «Наши»⁸⁵. А. И. Герцен вспоминал встречи с А. Мицкевичем и характеризовал его отношение к России⁸⁶.

Очень ценен его рассказ о польских эмигрантах, с которыми он общался и сотрудничал в Англии. Глава так и называется — «Польские выходцы»⁸⁷. Он начал ее еще до 1863 г., и в ней сохранились более ранние выводы о польском деле.

А. И. Герцен повествует о своих действиях в польских событиях перед началом восстания и рассказывает о делах и убеждениях М. А. Бакунина в польском деле. Соответствующая глава, называемая «М. Бакунин и польское дело»⁸⁸, изобилует подробностями происходящего и помогает понять, в каких условиях русские мыслители приходили к тем или иным убеждениям в «польском вопросе».

В статье «Русские немцы и немецкие русские» Герцен дает свою оценку внутренней политике России и говорит о своих расхождениях во взглядах с русскими либералами, в числе которых были и его друзья из кружка западников. Публикуются статьи Герцена, посвященные Польше в 1860 г. (с комментариями)⁸⁹.

В переписке с князем В. Чарторыйским Герцен говорит о своей позиции по «польскому вопросу»⁹⁰. В письме И. Цверцякевичу за 1862 г. он пишет о своем отношении к началу выступления в Польше⁹¹. Все произведения, статьи и письма снабжены ценнейшими комментариями и пояснениями, которые помогают понять позиции писателя и узнать, на фоне каких событий создавались его произведения.

Н. Г. Чернышевский в статье «Народная бестолковость» выступил с критикой И. С. Аксакова и его позиции в статье газеты «День» по «польскому вопросу»⁹².

Публицистические статьи русских общественных деятелей, напечатанные в газетах и журналах, проливают свет на позиции авторов и благодаря тому, что они были выпущены в свет в основном практически сразу после написания, помогают понять, какие именно убеждения авторы хотели

⁸⁵ Герцен А. И. Собрание сочинений в 30 тт. Т. IX. Былое и думы. 1852–1868. М., 1956. С. 111–132.

⁸⁶ Герцен А. И. СС.: в 30 тт. Т. X. Былое и думы. 1852–1868. М., 1956.

⁸⁷ Герцен А. И. СС.: в 30 тт. Т. XI. Былое и думы. 1852–1868. М., 1957.

⁸⁸ Там же.

⁸⁹ Герцен А. И. СС.: в 30 тт. Т. XIV. М., 1958.

⁹⁰ Герцен А. И. СС.: в 30 тт. Т. XXVII. М., 1963.

⁹¹ Там же. С. 257–260.

⁹² Чернышевский Н. Г. Полное собрание сочинений, Т. VII. Статьи и рецензии. 1860–1861. М., 1950. С. 828–848.

и могли в условиях строгой цензуры донести до российской общности в то время.

В журнале славянофилов «Русская беседа» печатались статьи самих участников кружка о «польском вопросе»⁹³ — например, статья А. И. Кошелева о поляках и славянах, проживающих в Австрии и Пруссии⁹⁴. Представлены статьи корреспондентов журнала, описывающие положение дел в ЦП и дающие оценку развитию культуры в польских землях⁹⁵.

Отдельного внимания заслуживает публицистическая деятельность И. С. Аксакова. Он упоминал о «польском вопросе» в газете «Парус», которая, однако, быстро закрылась⁹⁶. Газета «День», основанная Аксаковым в 1861 г., содержит много ценной информации о точке зрения славянофила на «польский вопрос». В газете имеются статьи самого Аксакова за 1861–62 гг., статьи различных русских авторов и статьи их польских оппонентов⁹⁷. Материалы любопытны тем, что дают понять, каковы были позиции славянофилов и их сторонников и какие шаги предпринимались для улучшения русско-польских отношений накануне восстания. Заслуживают внимания статьи Ю. Ф. Самарина, хотя они и были напечатаны гораздо позже своего написания⁹⁸. Публицистика М. П. Погодина показывает скорее, насколько мало он мог в своих изданиях писать для публики о «польском вопросе», хотя в своих донесениях для царских сановников говорил об обратном⁹⁹. Важно показать, какие газеты влияли на оценки Погодина польских событий 1862 г.¹⁰⁰

Публицистическое наследие А. И. Герцена велико и отличается множественностью статей о «польском вопросе» и смелыми суждениями — вероятно, благодаря тому, что они выходили без цензурного контроля и не зависели от российских властей.

В «Полярной звезде» выходили произведения других авторов, посвященные Польше и запрещенные в России, и статьи самого издателя¹⁰¹. Герцен повествует о своем друге и соратнике — поляке С. Ворцеле. Его статья будет основой для будущей главы «Былого и дум»¹⁰². Герцен публикует

⁹³ Русская беседа. 1856; Русская беседа. 1857. Т. IV. Обзорение. С. 21.

⁹⁴ Кошелев А. И. Самодержавие и земская дума. М., 2011.

⁹⁵ Русская беседа. 1857. Т. II. Кн. 6. Обзорение.

⁹⁶ Письма из Польши // Парус. 1859. 3 января. № 1. С. 9–10.

⁹⁷ День. 1861–1862.

⁹⁸ Самарин Ю. Ф. Из дневника, веденного Ю. Ф. Самариным в Киеве, в 1850 году // Русский архив. № 6. М., 1877. С. 229–232.

⁹⁹ Москвитянин. М., 1848. Часть третья. № 5.

¹⁰⁰ Северная почта. 25 ноября 1862. № 257. С. 1040–1042.

¹⁰¹ Полярная звезда на 1856. Кн. 2. М., 1966. С. 35–37.

¹⁰² Полярная звезда на 1857. Кн. 3. М., 1966. С. 306–312.

посвященное ему письмо Чаадаева, которое свидетельствует о некоторых их сходствах во взглядах в то время¹⁰³.

Статьи Герцена в «Колоколе» о «польском вопросе», о польских событиях представляют для нас большую ценность и источник информации. В первые годы выхода «Колокола» Герцен пишет несколько статей о польских делах, большая часть которых в начале посвящалась польским новостям и сообщениям поляков из ЦП¹⁰⁴. В 1859 г. он публикует статьи под общим названием «Россия и Польша», которые можно назвать программными в «польском вопросе» для Герцена¹⁰⁵. Основные утверждения статей будут ключевыми в позиции издателя до 1863 г. и мало изменятся. В 1860 г. он продолжает печатать статьи о Польше и публикует корреспонденции о событиях в ЦП¹⁰⁶. 1861 г. стал знаковым для Герцена, и в «Колоколе» появляется всё больше статей, посвященных польской тематике. Это зависело и от всё большей увлеченности писателя «польским вопросом», и от политической ситуации, в которой еще большую значимость начали играть польские события. Автор журнала публикует собственные статьи о польских происшествиях, проявляет сочувствие к их потерям и солидарность с поляками и помещает статьи корреспондентов о событиях в Польше¹⁰⁷.

В 1862 г. поток статей о Польше только возрастал. Герцен печатает публикации как о его теоретическом взгляде на «польский вопрос», так и статьи, оценивающие новости из Западного края и ЦП, и начинает говорить о сопротивлении царским властям. Он публикует на страницах «Колокола» статью сбежавшего из сибирской ссылки своего соратника М. А. Бакунина «Русским, польским и всем славянским друзьям М. А. Бакунина»¹⁰⁸. Герцен печатает также обращение Комитета русских офицеров в Польше. В целом материалы «Колокола» дают представление о взглядах автора журнала, его сторонников и единомышленников, находящихся в Европе и в России, на «польский вопрос». И эти взгляды в большинстве своем противоречат установкам российской власти и официальной политической мысли. Статья Н. Г. Чернышевского в «Современнике» проливает свет на взгляды в «польском вопросе» и в украино-польских отношениях, дает оценку этих отношений с русской стороны¹⁰⁹.

¹⁰³ Полярная звезда на 1859 г. Кн. 5. Лондон. М., 1967. С. 221.

¹⁰⁴ Колокол. Вып. 1. 1857–1858. М., 1962. С.195, 253, 255; Колокол. Вып. 2. 1859. М., 1962.

¹⁰⁵ Колокол. Вып. 2. 1859. М., 1962.

¹⁰⁶ Колокол. Вып. 3. 1860. М., 1962.

¹⁰⁷ Колокол. Вып. 4. 1861. М., 1961.

¹⁰⁸ Колокол. Вып. 5. 1862. М., 1962. С. 1020–1028.

¹⁰⁹ Чернышевский Н. Г. Национальная бестактность // Современник. СПб., 1861. № 7.

Публикация записки «Вопрос Польский» лично знавшего Герцена С. Семеновского позволяет установить дату ее написания — 1862 г. Сам документ найден в архиве¹¹⁰. Записка дает представление о взглядах на «польский вопрос» со стороны поляков, которые были связаны с Герценом и поддерживали его идеи. В первых номерах «Колокола» за 1863 г., в самом начале Январского восстания автор журнала еще печатал материалы 1862 г. Одно из них — это письмо русских офицеров из Польши, содержание которого он полностью поддерживал¹¹¹. Такими статьями А. И. Герцен заканчивал в своем издании последний мирный год российско-польских отношений, а вместе с ними заканчивалась и целая эпоха в истории России и русской общественно-политической мысли, которой уже никогда не придется стать прежней.

Новизна обусловлена неразработанностью тематики исследования общественного восприятия «польского вопроса» в XIX в. Впервые исследуется эволюция взглядов представителей общественной мысли на проблему интеграции «Западного возвращенного края». Проанализированы взгляды общественных деятелей на взаимоотношения «западнорусского населения» и поляков Западных губерний. В научный оборот впервые вводятся некоторые архивные источники.

---

¹¹⁰ ГАРФ. Ф. 95. Оп. 1. Д. 109. Л. 7–18; Русская старина. СПб., 1884. Т. 41. С. 48–60.

¹¹¹ Колокол. Вып. 6. 1863. Лондон. М., 1963. С. 1287.

ГЛАВА 1

«Польский вопрос» и славянофилы в 1830-е — начале 60-х гг.

«Польский вопрос» в сочинениях славянофилов — обширная тема, которая еще недостаточно изучена. Кружок славянофилов занимался различными вопросами и темами, в числе которых — крестьянский вопрос, славянский вопрос и многие другие. Одним из интересов славянофилов был и «польский вопрос». Это было обусловлено как внутривосточными интересами государства, так и собственной заинтересованностью мыслителей в судьбе братского славянского народа. Притом, что многие участники кружка были лично знакомы с представителями данной национальности, интересовались культурой, литературой, историей поляков. Некоторые (П. В. Киреевский и др.) испытали влияние польской интеллигенции и знали польский язык. В настоящей главе необходимо проследить развитие вопроса со времени образования кружка и написание первых произведений (в основном литературных) до серьезных статей и сочинений, посвященных данной проблеме.

1.1. Отношение ранних славянофилов к «польскому вопросу»

В 1830–1840-е гг. большинство общественных деятелей были еще молоды и их мировоззрения только начинали складываться. Чуть позже из них сформируются основные положения и суждения славянофильского учения, но относительно «польского вопроса» уже тогда возникли основные представления. Молодые славянофилы считали поляков братским народом, видели будущее великороссов и поляков в единой стране под началом русского царя. Верили, что только таким образом поляки могут продолжить свое развитие как народ. Надеялись они и на то, что поляки и русские забудут старые обиды и споры и объединятся вместе — так будет лучше обоим народам.

Славянофил А. С. Хомяков в своем стихотворении «Ода» (на польский мятеж) рассматривал восстание 1830–1831 гг. как «вражды бессмысленный

позор». Осудив братоубийственную войну, Хомяков высказал мечту об объединении славянства под предводительством России и русских:

*И взор поэта вдохновенный
Уж видит новый век чудес:
Он видит гордо над вселенной,
До свода синего небес,
Орлы славянские взлетают
Широким дерзостным крылом,
Но мощную главу склоняют
Перед старшим — Северным Орлом.
Их тверд союз, горят перуны,
Закон их властен над землей,
И будущих Баянов струны
Поют согласие и покой!¹¹²*

В других своих стихотворениях — «Орел», «Киев» — А. С. Хомяков на канве польского восстания 1830–31 гг. продолжал развивать свои славянофильские идеи и взгляды — объединение славян под эгидой Российской империи. Для Хомякова свобода «орла полночи» — России — необходимое условие осуществления свободы всех славян¹¹³.

*О, вспомни их, орел полночи,
Пошли им звонкий свой привет,
Да их утешит в рабской ночи
Твоей свободы яркий свет.
Питай их пищей сил духовных,
Питай надеждой лучших дней
И хлад сердец единокровных
Любовью жаркою согрей.
Их час придет — окрепнут крылья.
Младые когти подрастут,
Вскричат орлы и цепь насилья
Железным клювом расклюют¹¹⁴.*

В стихотворении «Киев» возникает проблема западнорусских земель и русского населения данных мест. Хомяков желает, чтобы жители Волыни и Галиции вернулись к родному народу и присоединились к Киеву, как

¹¹² Хомяков А. С., Аксаков К. С. Указ. соч. С. 60.

¹¹³ Хорев В. А. Указ. соч. М., 2005. С. 48.

¹¹⁴ Хомяков А. С., Аксаков К. С. Указ. соч. С. 64.

это было раннее. Он обвиняет в таком положении, оторванности галичан от своего народа, поляков, которые «их сманили, их пленили»¹¹⁵. Он высказал такую позицию первым из славянофилов. Здесь мы находим основное противоречие между русскими мыслителями и поляками — в том, что они полонизируют украинские и белорусские земли. Ведь тогда эти народы считались составными частями народа русского, и славянофилы расценивали данные действия как колонизацию русских земель, а это означало, что русские должны изменить сложившееся положение. Заметим, что к самим великороссам польские представители имели не такое прямое отношение. Хомяков может их обвинить в восстании 1830 г. Славянофилы ставят в вину полякам события Смутного времени — интервенция поляков имела тяжкие последствия для России и русского народа. В трагедии А. С. Хомякова «Дмитрий Самозванец» автор вырисовывает образы поляков из сподвижников Лжедмитрия ксёндза-иезуита, шляхтичей, дипломатов. Они предстают весьма гордыми, восхваляют свою родную Польшу, надменно ведут себя с русскими¹¹⁶. Бояре жалуются Дмитрию на притеснения и оскорбления со стороны поляков; самозванец защищает их, как может, и признаётся, что любит родину¹¹⁷. Он критикует иезуитов за их учение, методы борьбы и отношение к православию¹¹⁸. Сам Хомяков довольно положительно относится к личности Дмитрия, считает, что он стремился привить на Руси европейское просвещение, усилить Россию, укрепить ее положение в мире, не вводить крепостное право, узаконенное при Годунове¹¹⁹. Поляки выглядят отрицательными персонажами, но они помогают Дмитрию в государственных делах. Автор пытался доказать, что Лжедмитрий постепенно избавился бы от поляков и стал править самостоятельно на благо государства без их вмешательства. А. С. Хомяков вырисовывает психологические и личностные черты поляков. Они являются гордыми свободолюбивыми людьми, обладающими чувством собственного достоинства¹²⁰.

Во многих несчастьях тех смутных времен славянофилы винят поляков. Но это они могут и даже обещают великодушно простить западным соседям через столько десятилетий, однако положение в западнорусских землях намного тяжелее и тревожнее и именно оно станет причиной разногласий между русскими (славянофилами как представителями общественной мысли) и поляками (особенно шляхтой, духовенством и интеллигенцией).

---

¹¹⁵ Хомяков А. С., Аксаков К. С. Указ. соч. С. 82.

¹¹⁶ Хомяков А. С. Дмитрий Самозванец. С. 19–25, 56–60.

¹¹⁷ Там же. С. 25.

¹¹⁸ Там же. С. 25–26.

¹¹⁹ Там же. С. 221.

¹²⁰ Там же. С. 57–58.

В 1840-е гг. А. С. Хомяков придерживался тех же позиций, что и в своих стихотворениях и трагедии. Свои рассуждения он излагал в письмах, а еще чаще — в частных беседах, так что сейчас трудно говорить об их содержании и что именно говорилось в них по «польскому вопросу». Несмотря ни на что, он надеялся на мирное решение спора с поляками.

В славянофильском духе были выдержаны и произведения известного публициста, критика и поэта К. С. Аксакова на польскую тему — стихотворение «Отрывок из письма к Б.» и драма «Освобождение Москвы в 1612 году»¹²¹.

Один из отцов славянофильства — И. В. Киреевский — в начале своей творческой деятельности был убежденным защитником петровских преобразований, положительно относился к европейцам и издавал одноименный журнал «Европеец».

Киреевский восхищался достижениями польской культуры в XVI и XVII вв., а польскую аристократию эпохи Возрождения считал самой блестящей и наиболее образованной в Европе. Перейдя на позиции отстаивания самобытности развития России и русского общества на основе православия, Киреевский не отвергал с порога западные ценности, а лишь указывал на важные различия в конфессиональных основаниях западной и русской жизни¹²². Его брат П. В. Киреевский знал польский язык и переводил стихотворения А. Мицкевича на русский. Вот одно из них под названием «К друзьям Москвитянам»¹²³.

Вспомните ли вы обо мне!

*А я мечтаю часто о смерти, об изгнании, заточении моих друзей
и думаю об вас: ваши иноземческие лица имеют право гражданства
в моих мечтаниях.*

Где вы теперь?...¹²⁴

Стихотворение переведено в 1832 г., но А. Мицкевич называет москвитов прямо в заглавии друзьями. Переводчик Киреевский не дает своих объяснений и комментариев этому факту, хотя прошел только год после восстания. Поэт все-таки имеет основания так называть русских, и Киреевский относится к нему с пониманием, не расценивая это как иронию или сарказм. И, видимо, сам по-прежнему относится к Мицкевичу как к другу или, по крайней мере, не считает его врагом, противником. Киреевский

¹²¹ Хорев В. А. Указ. соч. С. 49.

¹²² Там же. С. 51.

¹²³ Отдел Рукописей Российской Государственной Библиотеки. (далее — ОР РГБ). Ф. 99. К. 11. Д. 21. Л. 1–1 об.

¹²⁴ ОР РГБ. Ф. 99. К. 11. Д. 21. Л. 1.

добросовестно переводит текст, стараясь передать его смысл. По всей видимости, он не собирается скрывать какие-то строки и мысли автора.

«...Других, может быть, небесная кара постигла еще страшнее; иной из вас, может быть, опозоренный почетным постом, крестом, навеки продал вольную душу за милость царя и бьет поклоны на его порогах»¹²⁵. П. В. Киреевский переводит стихотворение, не скрывая и не изменяя его смысла. Славянофилы в своих взглядах были сторонниками самодержавия, но здесь он позволяет в такой форме отзываться о царе и о службе ему. Он сравнивает службу царю с каторгой и делает выбор в пользу последней. Служить царю страшнее — считает Мицкевич, и переводчик, возможно, соглашается с ним.

Польский поэт продолжает: «А есть ли кто из вас обвинит меня, то его обвинение для меня будет то же, что лай пса, который так уже свыкся с своим ошейником, терпеливо и долго ношенным, что готов кусать руку, его срывающую»¹²⁶. Киреевский, по всей видимости, не собирался обвинять автора. Не винит его за критику царя и не спорит с тем, что люди в России живут в «цепях и ошейниках». Он переводит всё без умолчаний и не скрывает мысли автора. Он пишет, не пытаясь даже приукрасить смысл строчек. Рецензий на это стихотворение он, вероятно, не оставил, но именно его перевод показывает отношение к сочинителю и к смыслу написанного. Современный перевод стихотворения имеет такое же содержание и смысл¹²⁷. Киреевскому импонирует отношение автора к царскому режиму, в какой-то мере польский поэт отражает его собственное отношение к положению в стране после декабристского восстания и польского мятежа 1830 г. Сам Киреевский, вероятно, так не выражал в своих записях собственные мысли; в какой-то степени они отличались от текста стихотворения, но всё равно эти строки польского поэта, наверное, иллюстрировали и его личные соображения. В те годы, несмотря на разногласия в положении польских земель, взгляды на внутривнутриполитическое положение страны были довольно сходными у обоих оппонентов.

П. В. Киреевский интересовался польской историей прошедших столетий. Сохранилась его «Иностранная библиография. Польша». Киреевский собрал и записал большой и подробный список литературы на польском языке. Это были книги XVIII—XIX вв., разной тематики, с указанием цен на них на 17 лл. Первая часть списка составлена в 1833, 1837, 1840 гг. следующая часть списка «Книги о Польше» на польском, французском

¹²⁵ ОР РГБ. Ф. 99. К. 11. Д. 21. Л. 1.

¹²⁶ Там же. Л. 1 об.

¹²⁷ Куняев С. Ю. Шляхта и мы. Перевод «Русским друзьям» В. Левик. М., 2005. С. 215–216.

и немецком языках на 6 лл. Киреевский изучал литературу о Польше на разных европейских языках. «Предметный указатель по истории Польши» на польском языке — на 1 листе¹²⁸. Через историю страны он пытался понять современное положение поляков. Но, видимо, в большей степени его интересовало прошедшее, нежели настоящее данного региона. По крайней мере, высказываний по ситуации 1830–40-х гг. у него мало.

Славянофилы на данном этапе высказывали преимущественно свое нравственное и эмоциональное отношение к «польскому вопросу». Они пытались разобраться в происходящем путем изучения прошедших эпох и не слишком сильно вникали в процессы, происходившие в современные им годы. Осуждая — порой резко — и критикуя поляков за восстание, они надеялись на мирное разрешение конфликта с поляками и на объединение в одно государство. Предоставления независимости польским землям они не признавали и не говорили об этом, считая, что надо жить в союзе славян. В этом они соглашались с официальной идеологией России. В конце 30-х — 40-х гг. возникает вопрос западнорусских земель, получивший позднее наименование «западнорусского дела». Он тесно переплетается с «польским вопросом» и неминуемо с ним связан. Определенно назвать все регионы, относящиеся именно к польским владениям, славянофилы не могли, так же как не могли этого сделать и власти империи. Вопрос о вхождении в польские земли только частей Царства (Королевства) Польского или же земель еще и западных губерний был в 1830-е гг. открытым. Разделить эти регионы полностью тогда не могли. Спор из-за данных территорий и принадлежности населения к польской или русской нации будет развиваться и далее в будущем.

1.2. «Польский вопрос» и славянофилы в 1840–1850-е гг.

Обстановка спора-диалога, в которой складывалось славянофильство, затрагивала не только отношения славянофилов и официальной идеологии, но также славянофилов и западников. Полемичностью были проникнуты все положения самой славянофильской доктрины. Поэтому необходимо определить не только ее общую направленность, но и отдельные течения внутри нее, между которыми наблюдались серьезные противоречия.

На рубеже 1840–1850-х гг., по мере развития воззрений славянофилов, окончательно сложился их вариант «русской» идеи. Он включал в себя

---

¹²⁸ ОР РГБ. Ф. 99. К. 11. Д. 23.

констатацию кризиса русского общества в XIX в., последовательную критику европейского пути развития и исторического обоснования возможности «русского» пути в России¹²⁹. Наличие второго и третьего компонентов отделяло славянофильскую идеологию от западничества, а первый элемент определял ее отличие от официальной идеологии. Славянофилы видели проблемы не только в польском обществе, но и в российском тоже. Они сознавали это и пытались решить создавшуюся проблему разумным путем.

Для доказательства необходимости и значимости русской идеи славянофилы выступили с острой критикой исторического развития Европы. В этой критике они исходили из признания двух базовых постулатов — приоритета духовной сферы жизни общества над остальными и принципа конечности истории, которые вытекали из их идеалистической гносеологии. Такой подход позволял им утверждать (и довольно единодушно), что успехи Запада суть лишь кажущиеся, поскольку вытекают из временного преобладания бесперспективного материализма над истинной духовностью православия, индивидуализма — над интересами общества, отдельного разума — над коллективным опытом предков. Поляки относились ими всё-таки больше к европейской цивилизации, чем к какой-либо самобытной или тем более славянской, и поэтому их опыт также не мог оцениваться славянофилами положительно.

«Польша приняла в себя все элементы Западной Европы, чуждые ее народной субстанции, приняла их не как свои, природные, а как общечеловеческие вследствие свободного выбора и сознательного усвоения. Она отдала себя в услужение Западной Европе и умерла на службе, — умерла, как Польская земля»¹³⁰. Здесь автор указывает на гибельность европейского пути развития. Видный славянофил Самарин утверждает, что Польша как страна умерла. Потеряла всю свою значимость. При этом он замечает, что поляки разбрелись по всей Европе, но умалчивает, что многие из них и после восстания 1830–1831 гг. остались в родных землях, часть из них перебралась в русские земли и в частности в Петербург. Определенная часть была на каторге. Но дееспособная свободная часть поляков обрела всё большее значение на русской службе, и то, что Самарин сбрасывает их со счетов, не очень корректно. Необходимо принимать во внимание и эту часть поляков, а не только эмигрантов в Европе. И о том, что надо сделать с этим польским элементом, он постоянно умалчивает. Видимо,

¹²⁹ Шпагин С. А. Ранние славянофилы: у истоков «русской идеи». Автореф. ... дис. канд. ист. наук. Томск, 1997. С. 14.

¹³⁰ Самарин Ю. Ф. Сочинения Ю. Ф. Самарина. Т. I. Статьи разнородного содержания и по польскому вопросу. М., 1900. С. 344.

он об этом даже не задумывается. По крайней мере, не пишет об этом в записке, датированной 1849 г. При этом славянофил принимает во внимание только шляхту — элиту польского общества, а сам народ в виде крестьянства оставляет за рамками повествования, как бы забывая о нём. И если Польша как государство закончила свое существование, произошла «законная развязка»¹³¹, то народ остался на своем месте. И при этом надо учитывать полонизованных малороссов, белорусов и совсем не упоминаемых в те годы литовцев. Здесь имеет смысл предположить, что автор строк применяет сословный (или, как позже будут говорить, классовый) подход. Он называет поляками и подразумевает в тексте одно лишь дворянство, которое имело активную гражданскую позицию. Оно постоянно было на виду, а крестьянская сельская масса польских владений практически не рассматривалась как реальная сила не только в данной работе, но и в других статьях славянофилов. Конечно, сельское население играло минимальную роль в политических и общественных процессах того времени, как, впрочем, и российское, но в данном случае нужно было рассматривать и их — хотя бы как подавляющее большинство населения Царства — и при этом продумывать их вовлечение в общественную жизнь и общероссийскую одновременно. И считать полноправной составляющей всего польского народа, притом, что простой народ не был активным участником восстаний и заговоров, которыми так увлекались шляхтичи. Крестьянство при этом недолюбливало своих помещиков. Необходимо было планировать условия, при которых польское крестьянство начало бы активно поддерживать российское правительство и влиять таким образом на свою элиту. Этого можно было достичь постепенным уменьшением гнета со стороны польских помещиков, увеличением защищенности крестьянских масс от них — и тогда, возможно, видя и чувствуя в российском правительстве гаранта своей защиты, активная часть польского крестьянства стала бы осознанно поддерживать российские власти. Но, по всей видимости, подобные сценарии еще не возникали в умах просвещенных россиян, а в правительственных кругах такого и вообще не могло быть в конце 1840-х гг. Общественные деятели, как и государственные чиновники, видели в поляках практически только шляхту, а не многочисленный польский народ. И что с ним нужно делать, они к тому времени еще не решили.

Ю. Ф. Самарин в своей записке предостерегал, по всей видимости, российское дворянство от повторения участи польской элиты, т. к. русские в первой половине XIX в. также принимали многие европейские элементы

---

¹³¹ Самарин Ю. Ф. Указ. соч. С. 344.

и стили поведения. Некоторые из них даже забывали родной язык. Учение славянофилов боролось с этими тенденциями, и Самарин, как один из идеологов, пытался помешать данному процессу различными способами. Он стремился показать и доказать, насколько этот путь губителен и опасен для русских. Это, вероятно, было предупреждением российскому дворянству со стороны патриота.

«Напрасно связывают они свои ожидания с надеждою на воскресение Польши. Изрекая приговор западным началам, они изрекли его польской земле»¹³². Стремление поляков к свободе каждого отдельного человека в польском государстве, которое они сами противопоставляли Московии, шло также вразрез с концепцией славянофильского кружка.

Ю. Ф. Самарин утверждал, что Польша приняла чуждые ей европейские элементы как свои, и за это критиковал поляков. Он полагал, что они поступили неправильно, причинили вред самим себе¹³³. «Современные Поляки — высокотрагическое явление»¹³⁴. Так с сожалением писал Самарин. Для него это весьма печальное утверждение, потому что в данный период он хотел, чтобы поляки развивались дальше, а не исчезали бесследно. Но это развитие должно было проходить в сотрудничестве с Россией, и никак иначе. Он также предполагал, что развал Польши, поражение поляков в мятеже и их эмиграция будут прологом к последнему действию «всемирно-исторической драмы Римско-Германского развития»¹³⁵. Такое утверждение призвано доказать гибельность не только польского вектора развития и дальнейшего его затухания, но и западноевропейского пути развития. Грядет кончина этого сообщества вслед за польской трагедией, и это неизбежно. Так он хотел это высказать. Теперь Российской империи нужен свой, оригинальный, особый путь развития.

Поиск исторических основ особого пути развития России и русского народа заставил славянофилов обратить внимание на два традиционных института, с которыми они связывали свои надежды, — на православную веру и крестьянскую общину. Однако внутри славянофильского кружка не было единства в оценке роли этих институтов в специфичности русской истории. И. В. Киреевский и А. И. Кошелев отдавали пальму первенства православной церкви, К. С. Аксаков — крестьянской общине, А. С. Хомяков придерживался компромиссной точки зрения, утверждая, что значение обоих институтов — и православия и общины — достаточно велико,

---

¹³² Самарин Ю. Ф. Указ. соч. С. 345.

¹³³ Там же. С. 344.

¹³⁴ Там же. С. 345.

¹³⁵ Там же. С. 344.

однако ни тот, ни другой не играли исключительной роли в определении исторической специфики России: христианское учение не было в полной мере осознано русским народом, а значение общины снижалось решающим влиянием «дружинной» организации власти, характерной как для Руси, так и для Западной Европы. В трактовке Хомякова и православное учение, и крестьянская община несли в себе лишь положительный потенциал, реализация которого во многом зависела от выбора общества.

Все эти противоречия проявились при построении славянофилами собственной программы дальнейшего развития России. Несмотря на энергичные усилия А. С. Хомякова, общей программы преобразований, которую разделяли бы все славянофилы, так и не было создано. Вместо них возникли три альтернативных проекта, которые не противостояли друг другу открыто, но основывались на разных исходных положениях и при своей реализации вели бы к различным последствиям¹³⁶. Различные проекты были у И. В. Киреевского, К. С. Аксакова, А. С. Хомякова. У всех были определенные различия. И соединиться окончательно эти проекты так и не смогли.

У славянофилов в конце 1840-х гг. начинают появляться суждения относительно украинцев (малороссов), которых они считали южной ветвью русского народа, его составной частью. Один из виднейших славянофилов Ю. Ф. Самарин был сторонником сохранения не только культурной самобытности украинцев, но даже определенной административной обособленности Украины. В дневнике, веденном им в Киеве в 1850 г., он полемизировал с интерпретацией украинской истории Кулиша, считавшего, что Украина в XVII в. могла бы стать самостоятельной, если бы не предательство казачьей старшины, но при этом замечает: «Пусть же народ украинский сохраняет свой язык, свои обычаи, свои песни, свои предания; пусть в братском общении и рука об руку с великорусским племенем развивает он на поприще науки и искусства, для которых так щедро наделила его природа, свою духовную самобытность во всей оригинальности ее стремлений; пусть учреждения, для него созданные, приспособляются более и более к местным его потребностям. Но в то же время пусть он помнит, что историческая роль его — в пределах России, а не вне ее, в общем составе государства Московского»¹³⁷.

Ю. Ф. Самарин понимал это единство как политическое, с сохранением культурной и языковой самобытности Украины¹³⁸.

¹³⁶ Шпагин С. А. Указ. соч. С. 14–15.

¹³⁷ Русский архив. 1877. № 6. С. 232.

¹³⁸ Западные окраины Российской империи. М., 2006. С. 116.

Историк утверждает, что украинцы с ненавистью относились к польскому правительству¹³⁹. По его словам, сам народ имел такое мнение. Самарин считал заслугой Московского государства спасение простого народа Украины, которое положило конец притязаниям Польши и вывело Унию из южных земель¹⁴⁰. Эти действия он рассматривает как положительный фактор в развитии украинского народа. И всего этого Украина не добилась бы без участия русского государства¹⁴¹.

Концепция «большого русского народа», в который входили великороссы — малороссы — белорусы, развивалась в российском общественном сознании. Ее поддерживали и славянофилы. Она противостояла почти зеркальной польской концепции: поляки — русины — литвины¹⁴². «Западный край» или «западные губернии», а у поляков «восточные окраины» или «кресы» было эквивалентом русского понятия. Противоположными были проникнутые историческими реминисценциями характеристики этого региона: «захваченный край» и «возвращенные губернии». Общественная мысль двух народов формулировала разнонаправленные национально-социальные концепции органической работы и русского дела¹⁴³.

В 1830-х гг. историки Н. Г. Устрялов и М. П. Погодин начали пропагандировать идеи об «исконно русском» происхождении русинского населения присоединенных к империи по разделам восточных областей бывшей Речи Посполитой. Эти идеи станут впоследствии официальной идеологией в определении отношения имперских властей и русского национализма к польским претензиям на «кресы»¹⁴⁴. С этими утверждениями соглашались и славянофилы. При этом надо заметить, что великороссы не претендовали открыто на заселение истинных польских земель, находившихся в Царстве Польском. Правительство и интеллигенция настаивали только на использовании и изучении государственного языка империи. Польские шляхтичи говорили на польском или на французском языке, особенно с русскими гражданами. Заселение масштабное польских земель русскими переселенцами не производилось в данный период, хотя в Пруссии подобные случаи с немцами имели место.

А. С. Хомяков в частном письме к А. О. Смирновой излагает свои мнения о «польском вопросе» в 1848 г. Причем делает он это ввиду общественной

¹³⁹ Самарин Ю. Ф. Указ. соч. С. 290.

¹⁴⁰ Там же. С. 291.

¹⁴¹ Там же.

¹⁴² Горизонтов Л. Е. Парадоксы имперской политики. С. 7.

¹⁴³ Горизонтов Л. Е. Поляки и польский вопрос во внутренней политике Российской империи 1831 — нач. XX в. С. 2.

¹⁴⁴ Западные окраины Российской империи. С. 111.

заинтересованности Познанью и ситуацией в Пруссии. Ситуация же внутри самой Российской империи в Западном крае и ЦП мало кого волнует. Славянофил признаётся, что это ему самому фактически неинтересно¹⁴⁵. Признаётся, что это его мечты. Утверждает, что Россия никогда не принадлежала европейской системе народов и в дела Европы вмешивалась только случайно либо вследствие внешнего вызова¹⁴⁶. Прослеживается идея об особом пути России. Путь этот неевропейский — не такой, какой себе избрала Польша.

Хомяков утверждает, что Россия не хотела в 1815 г. присоединять к себе польские земли — это была временная и вынужденная мера¹⁴⁷. Хомяков и уверяет, что исконно польские земли империи не нужны. «Пусть восстановится Польша, во сколько может: Познань с Гданьском (Данциг), княжество Галицкое и Краков, герцогство Варшавское и часть Литвы, не говорящая по-русски», — пишет мыслитель¹⁴⁸. Хомяков предлагает очень смелое для этих лет решение, которое показывает, что он был бы готов отдать полякам все их исконные земли, даже Литву, не говорящую по-русски, т. е. район современной Литвы. Следовательно, готов отдать даже больше земель, чем принадлежало этническим полякам раньше. Но при этом никаких западнорусских земель передавать Польше он не планирует. Это смелое и правильное решение для судьбы польских земель на данном этапе, но высказано оно только в виде «мечты» и в личном письме. Фактически он предлагал Польшу в границах, приближенных к современным ее границам. В те годы это вряд ли осуществилось бы на практике, и поэтому он не публиковал данное письмо и мысли эти были малоизвестны. Напечатали его только в 1881 г., когда оно уже не имело практического значения и сам Хомяков уже скончался. Интересную мысль мыслитель пишет далее: «не должно быть признаваемо никакое случайное различие между людьми, и голоса должны быть собираемы поголовно: дворяне единицами в счет крестьянских единиц, города причислены к деревням и т. п. Голоса народные должны быть подаваемы на языке народном: в Польше — по-польски, в Литве — по-литовски (совершенно непонятно для поляков), в Галиче — по-галицки (т. е. по-русски)»¹⁴⁹. Он, по сути, предлагает всеобщее равное голосование по этому вопросу, потому что это народное и историческое дело. Удивительное и либеральное само

---

¹⁴⁵ Хомяков А. С. Польский вопрос. М., 1881. С. 1.

¹⁴⁶ Там же. С. 2.

¹⁴⁷ Там же.

¹⁴⁸ Там же. С. 2–3.

¹⁴⁹ Там же. С. 3.

по себе предложение для середины XIX в. и времени правления Николая I, накануне «мрачного семилетия»! Возможно, сам автор не верил в осуществимость данного замысла, посему написал это в обычном письме и, вероятно, не высказывал такие мысли публично. По крайней мере, не предлагал это правительству. Выделяется сама идея общего голосования, причем не только для поляков, но и для литовцев (их вообще Хомяков упоминает первым из славянофилов), и для галицких жителей (по словам автора, «русским»). Уникальное предложение — уравнивать всех жителей и учесть их мнение. Иными словами, будет учитываться мнение не только дворянства, но и других слоев населения, и даже других народностей. Славянофилы в дальнейших заметках и публикациях, возможно, могли бы использовать такой прием для освещения ситуации в Западном крае, где учитывалось бы мнение не только шляхты, но и непривилегированных сословий. В восточнославянских губерниях поляки рассматривались бы отдельно от белорусов и малороссов. И так же, возможно, — публикация мнений и прошений других национальностей, проживающих в данных губерниях. Славянофилы начали писать об этом только в начале 1860-х гг., во главе с И. С. Аксаковым. А возможен был такой подход и гораздо раньше — во времена предложений Хомякова.

Славянофил предполагал с помощью таких действий на голосовании «уничтожение аристократического влияния и уменьшения городского влияния в Польше», надеялся, что крестьянство проголосует в пользу России, Галич остался бы в России, т.к. нам сроден, Литва тоже не отделилась бы¹⁵⁰. Он не исключал отделения польских земель от России, но всё же надеялся на то, что, благодаря такому голосованию они останутся в составе государства. Славянофил всё же с трудом мог представить, что польские земли окажутся независимыми от России. Он надеялся, что после таких действий русский царь стал бы выше всей Европы¹⁵¹. Русское государство в любом случае бы победило и оказалось в выгодном положении в Европе. Увы, даже это убеждение за несколько лет до Крымской войны было далеко от реальности. Проведение подобного референдума на такой обширной территории с участием польской аристократии было малоосуществимо российской администрацией. А. С. Хомяков и сам это ощущал, и поэтому в конце письма признаётся, что замечтался.

В отношении «польского вопроса» в те годы надо признать, что он не изучен на должном уровне. Письменных источников не слишком много, т.к. славянофилы для выражения своих мыслей и точек зрения часто

---

¹⁵⁰ Хомяков А. С. Польский вопрос. С. 4.

¹⁵¹ Там же.

использовали устную дискуссию (особенно А. С. Хомяков, за исключением рассмотренного письма). Они устно излагали свои взгляды оппонентам и современникам, поэтому их воззрения можно изучить по большей части косвенно. До 1856 г. у славянофилов не было своего постоянного печатного издания¹⁵². У них «польский вопрос» всё так же перекликается с вопросом о восточнославянском населении окраин и развивается мысль о триединстве народа, в чём они созвучны с остальными течениями общественной мысли. Для них также встает нарождающийся украинский вопрос, который получает важность уже для всей империи¹⁵³.

К. С. Аксаков, один из наиболее выдающихся славянофилов, интересовался польской культурой и литературой, переводил стихи А. Мицкевича. В 1839–1840 гг. он перевел на русский язык отдельные фрагменты поэмы А. Мицкевича «Конрад Валленрод»¹⁵⁴. И это несмотря на то, что Мицкевич был запрещен в России после польского восстания 1830 г. Даже имя его нельзя было упоминать в русской печати¹⁵⁵. Но Аксаков не придерживался такого яркого негативного отношения к польскому поэту, как власть имущие.

Главное драматическое произведение Аксакова — пьеса «Освобождение Москвы в 1612 году» (написана в 1848 г.)¹⁵⁶.

Драма посвящена событиям великой Смуты конца XVI — начала XVII в. Тема Смуты была весьма популярна среди русских драматургов начиная с последней трети XVIII в. К. С. Аксаков, изображая действия польских интервентов и предателей-бояр, земское движение, взятие Москвы силами Второго земского ополчения, предлагает свою, славянофильскую интерпретацию событий Смутного времени¹⁵⁷. Драма была поставлена на сцене в 1850 г., но вскоре после этого запрещена цензурой. Аксаков в содержании пьесы уделяет описанию поляков немного места, однако воздерживается от их критики и порицания, описывает их действия весьма сдержанно. Упоминает победу над поляками Минина и Пожарского¹⁵⁸. Автор подчеркивает, что Киев и Смоленск являются истинно русскими городами, в то время как некоторые из польских патриотов называли их польскими¹⁵⁹. Московские бояре-предатели представлялись не в лучшем свете

¹⁵² Пирожкова Т. Ф. Указ. соч. С. 69–71.

¹⁵³ Западные окраины Российской империи. С. 155–156.

¹⁵⁴ Российский государственный архив литературы и искусства (далее РГАЛИ). Ф. 10. Оп. 4. Д. 78 (1). Л. 26–28.

¹⁵⁵ Хорев В. А. Указ. соч. С. 75.

¹⁵⁶ РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 4. Д. 70 (1, 2, 3).

¹⁵⁷ Карушева М. Ю. Указ. соч. С. 113.

¹⁵⁸ РГАЛИ. Ф. 10. Оп. 4. Д. 70 (3). Л. 132–133.

¹⁵⁹ Там же. Л. 142–142 об.

и критиковались Аксаковым гораздо больше, нежели поляки. Правительственные чины усмотрели в пьесе неуместные реплики относительно церкви; резкие места о народе и равенстве состояний; выражения, оскорбительные для казаков; выражения, оскорбительные для древних дворянских родов¹⁶⁰. Отдельных цитат, посвященных полякам, которые оскорбляли бы их или, наоборот, слишком хвалили, цензоры не выявили. К. С. Аксаков не ставил целью изображение и разбор в пьесе русско-польских отношений, а больше акцентировал внимание зрителей и читателей на отношения между разными сословиями в русском обществе. Именно это не понравилось правительственной цензуре.

В 1856 г. начинает издаваться журнал славянофилов «Русская беседа». Осуществившиеся замыслы славянофильского кружка связаны с именем А. И. Кошелева, ставшего практически исполнителем мечты А. С. Хомякова о журнале и его редактором во время издания «Русской беседы». Все хлопоты по созданию журнала в основном легли на плечи Кошелева, редкому организаторскому таланту которого славянофилы обязаны существованием самого долговременного из всех своих изданий (1856–1860)¹⁶¹.

Временами в нём печатались статьи и заметки по «польскому вопросу», сообщения о различных событиях в Царстве Польском. Так, сообщалось, что большинство литературы в Царстве носит антиславянский характер. Поляки отрицательно относятся к идее панславизма¹⁶².

В статье «Западные славяне» говорится: «полякам чужда идея славянского единства. В Польше жила, чувствовала и действовала одна только аристократия, шляхта. В ней одной сосредотачивались чувства патриотизма и народности»¹⁶³. Здесь прослеживается такая же идея об избрании поляками европейского пути развития и их отстраненности от славянства. И показана главенствующая в обществе роль шляхты, которая и так известна, но ничего не упоминается про другие польские сословия. Польского народа как бы совсем не существует. «Русская беседа» критикует поляков за то, что они всегда старались преградить отношения России с Западной Европой. На славянском сейме 1848 г. в Праге представители польского народа (вероятно, тоже шляхтичи) хотели увлечь всех славян на революционный путь. Затрагиваются внешнеполитические темы, в которых польские деятели соперничают с российскими представителями. Поляки рассматриваются как противники сотрудничества России

¹⁶⁰ Карушева М. Ю. Указ. соч. С. 116–119.

¹⁶¹ Пирожкова Т. В. Указ. соч. С. 69.

¹⁶² Русская беседа. 1856.

¹⁶³ Русская беседа. 1857. Т. IV. Обзорение. С. 21.

и Европы. С великороссами объединяться они не желают. Но предложений по решению данной проблемы в статье не выдвигается.

А. И. Кошелев в 1857 г. в разделе «Смесь» напечатал свою статью «Шесть недель в австрийских славянских землях», рассказывающую о его путешествии по Австрии¹⁶⁴. Он не посещал польских земель империи, но рассказывает свои впечатления. Он говорит, что все славяне, включая поляков, говорят и пишут каждый на родном языке, однако разъединены до невероятной степени — сообщений между славянами мало¹⁶⁵. Кошелев разочарован такой ситуацией.

Вместе с тем он замечает, что «теперь издается журналов гораздо более, чем издавалось до 1848 г. Число всех славянских журналов, издаваемых в Австрии, доходит до сорока шести». На польском языке издается десять. «У русинов» три журнала, причем Кошелев уточняет, что издаются они на русском языке¹⁶⁶.

Кошелев говорит, что вопреки ожиданиям австрийского правительства национальная идентичность славян становится всё сильнее и ошутимее. Они уже не сольются с немцами в одну национальность в Австрии.

«Пруссия и Саксония действуют в отношении к славянам совершенно иначе — благонамереннее и для себя полезнее: там иноплеменность не возбуждает подозрений в правительстве и не ставит людей в какие-то странные к нему отношения. Познанцы и лужичане пользуются полной свободой для развития своей народности; в школах польский и лужицкий языки преподаются наравне с немецким; люди, посвящающие свои труды народной словесности и обучению юношества славянским наречиям, награждаются наравне с теми, которые занимаются немецкой письменностью. Славянские общества словесности и матицы учреждаются так же беспрепятственно, как торговые компании. Русские и польские книги пересылаются и продаются, как и все прочие, и получение книг из России так же свободно, как из Лейпцига или Франкфурта. И что же из этого выходит? Познанцы довольны, вместе с народностью развивают свои умственные и физические способности, умножают своё благосостояние и становятся год от году более приверженными к Пруссии; а лужичане, с пробуждением своей народности, стали трудолюбивее, просвещеннее и богаче, и в преданности Саксонии не уступают самим саксонцам»¹⁶⁷. Кошелев приводит сравнение национальной политики в отношении славян в Австрии,

¹⁶⁴ Русская беседа. 1857. Т. IV. Кн. 8. С. 1–18.

¹⁶⁵ Кошелев А. И. Самодержавие и земская дума. М., 2011. С. 182.

¹⁶⁶ Там же. С. 192–195.

¹⁶⁷ Кошелев А. И. Указ. соч. С. 198.

Пруссии, и Саксонии. Он отдает предпочтение двум последним землям. Поляков в Познани он называет просто познанцами, тем самым не акцентируя внимания на то, что там живут именно поляки. Расписывая такое благоприятное отношение немцев к полякам в Пруссии, славянофил не делает сравнений с аналогичной ситуацией в России, в Царстве Польском. Как там происходят взаимоотношения двух народов, он не уточняет. При этом, если верить его словам, в Пруссии нет совсем угрозы германизации славян (поляков) и, следовательно, им нечего опасаться за свою народность. В то же время русские публицисты в те годы уверяли, что в Пруссии происходит процесс германизации поляков и они рискуют там вовсе исчезнуть и ассимилироваться с немцами, чего не произойдет в России, где поляки живут обособленно от русских. Кошелев фактически ломает этот стереотип и показывает, что в этом плане полякам комфортно жить и в Пруссии и что там, наоборот, происходит развитие польской национальности. Одновременно с этим исчезает главный предлог и повод, из-за чего полякам лучше жить в Царстве Польском под российским управлением, чем под властью немцев Пруссии. Однако Кошелев об этом не распространяется и, вероятно, не видит этого щекотливого момента. Для него главное в статье — раскритиковать политику Австрии относительно славян и представить ее в дурном свете. Пруссия предстает как образец не только управления поляками, но и вообще славянскими народами. Кошелев умалчивает о положении славян в Силезии, о которой М. П. Погодин еще за много лет до этого говорил, что она «онемечилась». Возможно, Кошелев намеренно не рассказывает о Силезии или же ему больше понравилось положение дел в Познани и он описывает именно ее. Он не говорит о заслуге самих поляков в достижении таких успехов. Складывается впечатление, что вся инициатива по поддержке славян исходит от самих пруссаков. В то же время автор не считает прусский опыт примером для России. Он умалчивает об этом. Кошелев замечает, что не только поляки, но вообще все австрийские славяне уже не смогут «слиться в одно тело». Они будут развиваться каждый по отдельности. От мечты политического панславизма славяне перешли к развитию своих национальностей.

В основном в «Русской беседе» данном издании славянофилов публикуются статьи с обзором событий в Польше. Причем часто их авторами являются корреспонденты-поляки, имеющие свое мнение, а российские редакторы с ними соглашаются, доверяя их заметкам.

Одна из таких статей — «Письмо из Варшавы. (О Польской литературе)». Варшавский корреспондент И. Паплонский рассказывает о польской литературе и журналистике, показывая исключительную дружелюбность

к России и русским читателям. Он говорит о трех периодах процветания польской литературы. Первый период был в XVI в., но закончился с приходом иезуитов. Второй был в конце XVIII в., но завершился во время наполеоновских войн. Третий начался после присоединения Царства Польского к России. «С именем Александра I соединяются в Польше все лучшие воспоминания прошедшего: 1815 год был началом третьего периода истории польской литературы; к действовавшим уже прежде писателям — Немцевичу, Лелевелю, Снядецким, Чацкому — прибавились новые имена, между которыми ярче других красуется имя Мицкевича. К этому периоду относится начало народной литературы, потому что всю прежнюю можно назвать только шляхетскою»¹⁶⁸. Паплонский отыскивает исключительно положительные черты в царствовании Александра и благоприятное влияние того времени на польскую культуру.

В то же время он негативно отзываясь о польском восстании 1830–1831 гг. «Настал несчастной памяти 1831 год, который повлек за собою всем известные события... Литература возвысилась до такой степени, на какой не стояла с тех пор, как язык польский стал письменным. Кроме прежних центров ее — в Варшаве и Вильне — появились новые: в Париже, Познани, Кракове и Львове, а вместо университетов и лицеев явились другие двигатели просвещения — газеты и журналы». Автор по-новому смотрит на ситуацию о последствиях восстания, утверждая, что после него польская культура не только не угасла, но, наоборот, сделалась еще лучше и появились новые центры польской культуры. Эта точка зрения показывает противоположное мнение — что российские власти изгнали поляков (особенно участников восстания) с их родины и они стали несчастными скитальцами в разных уголках Европы. А те, что остались в России, попали или в Сибирь, или должны были молчать и не противодействовать властям ни в каком виде в Польше. Паплонский, точка зрения которого, вероятно, не лишена правды, доказывает, что ситуация не так сильно ухудшилась и поляки нашли выход из трудностей. Университеты и лицеи заменили газеты и журналы. Вероятно, эти утверждения одобряли славянофилы — издатели журнала, и это для них служило доказательством того, что полякам лучше жить в мире с русскими. Паплонский придерживался такого убеждения, не только для того, чтобы подыграть славянофилам, но и действительно находил долю истины в своих утверждениях.

В подтверждение своих слов Паплонский приводит данные о польских газетах, издаваемых в Варшаве на польском языке. В городе шесть

---

¹⁶⁸ Русская беседа. 1857. Т. II. Кн. 6. Обозрение. С. 62–63.

ежедневных газет, каждая из которых имеет свой круг читателей. На первом месте — «Варшавский вестник». В нём предлагаются «политические известия в гомеопатических приемах, из всех частей света». «Все приезжие, и особенно Русские, не знающие польского языка, с него начинают свои уроки»¹⁶⁹. Газет литературно-политических три: «Варшавская», «Хроника» и «Ежедневная». Издается также «Полицейская газета». «Официальная газета Царства Польского» печатается на двух языках — русском и польском, и каждый день выходит номер на двух-трёх листах, из которых первую и вторую страницу занимают распоряжения правительства, третью, а иногда и четвертую — политические известия, остальные же заняты объявлениями о подрядах, продажах, аукционах и т. п.»¹⁷⁰. Из журналов первое место занимает «Варшавская библиотека», издающаяся с 1841 г. Затем идут «Религиозно-нравственный журнал», «Записки отечественного хозяйства» под редакцией графа Андрея Замойского, «Книга света» (т. е. Космос), «Медицинский журнал», «Медицинский еженедельник», «Пенелопа» — все эти журналы издавались на польском языке польскими редакторами. «Для низшего класса народа — как городского, так и сельского — издается еженедельный журнал «Воскресное чтение», под редакцией русской дамы, Александры Васильевны Петровой, супруги д. с. сов. Петрова...»¹⁷¹. И. Паплонский говорит о русской даме откровенно и непредвзято. Он восхищается ее деятельностью в Царстве.

С апреля будет выходить «Музыкальный журнал» — всё это призвано показать, что в Варшаве нет никаких притеснений польскому языку и польским читателям. При этом подмечается, что некоторые журналы выходят со времени николаевского правления, а другие начинают издаваться уже со времени нового царствования, но автор не связывает это с кончиной Николая и приходом власти Александра, а тем более с тем, что наместником Царства перестал быть И. Ф. Паскевич, — всё здесь представляется читателю как само собой разумеющиеся события, не связанные с внешними факторами.

Далее автор делает любопытное замечание: «Если в Варшаве пишут и читают очень много, то этого нельзя сказать о других городах бывшей Польши. Но для полноты моей статьи упомяну о других газетах и журналах, издаваемых вне пределов Царства». И он говорит о Петербурге, где выходит «Еженедельник» (Еженедельник Петербургский), — «сухая газета, не имеющая здесь вовсе читателей, а между тем стоявшая за 15 лет

¹⁶⁹ Русская беседа. 1857. Т. II. Кн. 6. Обзорение. С. 64.

¹⁷⁰ Там же. С. 67.

¹⁷¹ Там же. С. 67–68.

пред сим во главе польской периодической литературы». Затем он говорит, что «в Вильне выходит “Виленский вестник” на двух языках, на русском и польском, под редакцию польского поэта Одынца»¹⁷². Он упоминает Петербург как столицу, но затем пишет о Вильно как о части «бывшей Польши», хотя этот город российские власти относили к Западному краю и к более раннему названию региона «Речь Посполитая», но никак не к Польше. Это можно отнести к привычке автора называть Вильно «Польшей», и, вероятно, здесь нет злого умысла — по крайней мере, русские издатели журнала не делают никаких своих примечаний и комментариев, видимо, считая это выражение уместным в статье. Ожидается в Вильне новый журнал «Литературный еженедельник», который будет выходить под редакцией Киркора, известного и в русской письменности. Там уже выходят на двух языках — русском и польском — «Записки Виленской археологической комиссии» под редакцию Адама Киркора и Матвея Гусева.

Во Львове выходит «Львовская газета», и она известна в Варшаве. Выходят там также «Домашний друг», «Литературный журнал» и «Свет», но эти журналы в Варшаве мало известны¹⁷³. В Кракове издается «Время» — единственная политическая газета на польском языке. Та же редакция печатает «Прибавление» — литературный журнал. В австрийской Силезии в городе Цешине издается «Цешинская звездочка» для поселян. «Известно, что сельское население Силезии, начиная с Ополя и далее к югу в Австрии, состоит из Поляков, которых до сих пор еще не успели онемечить славянолюбивые Немцы»¹⁷⁴. Паплонский не акцентирует внимание на том, что в Австрии издается мало польских журналов и газет или меньше, чем хотелось бы, но упоминает о политике германизации, которая проходила в Австрийской империи, и говорит, что поляков просто «не успели» онемечить. В то же время он не зафиксировал никаких примеров обрусения как в Царстве Польском, так и в Западном крае.

Обращаясь к польским изданиям в Пруссии, Паплонский отмечает недостаточность таковых и считает уже существующие неудовлетворительными. В то же время Кошелев, напротив, отзываясь о Пруссии как о стране, поддерживающей и развивающей польскую национальность и язык, а Австрию критикует за подавление славянских национальностей.

Паплонский продолжает: «В Познани выходит одно политическое издание — “Газета В. княжества Познанского”, под редакцию какого-то Немца. Это самая пошлая газета из всех польских периодических изданий...

¹⁷² Русская беседа. 1857. Т. II. Кн. 6. Обзорение. С. 69.

¹⁷³ Там же. С. 70.

¹⁷⁴ Там же.

Выходит еще еженедельно журнал «Природа и промышленность», всеми похвальный за знакомство с предметом и с потребностями края»¹⁷⁵. Заметен маленький выбор польских журналов и газет в Пруссии, отсутствие там журналов по польской литературе и культуре.

Обращаясь к литературе, Паплонский рассказывает о переводе ксёндза Красинского стихами «Слова о полку Игореве». По его словам, многие польские писатели утверждают, что этот памятник принадлежит столько же польской, сколько и русской литературе. Но это мнение неосновательно. Используя примеры из русской и польской истории, Паплонский доказывает, что этот литературный памятник абсолютно русский, и никак иначе. «Влияние же литературного польского языка быть не могло, потому что в XII в. Поляки по-польски писать еще не умели. Из сего следует, что Слово о Полку Игореве есть исключительная принадлежность русской литературы»¹⁷⁶. Автор встает на сторону русской литературы, тем самым доказывая свою непредвзятость и объективность.

Паплонский переходит к рассмотрению изданий народных песен. Он анализирует сборники польских песен, которые созданы и в Галиции¹⁷⁷. Там собраны песни и польские и «русские», которые поют в Галиции. Он перечисляет разные сборники песен, вышедшие за последние десятилетия. Здесь присутствуют песни разных регионов страны: запада, юга, востока Польши. Есть издание песен краковяков — «самого музыкального из всех польских племен».

Далее автор пишет: «Не упоминаю здесь вовсе о собраниях народных песен белорусских, изданных и в польском переводе, потому что белорусская литература есть часть собственно русской, а не польской письменности. Кстати здесь сказать, что выражение “белорусский язык” имеет два значения: белорусским называют язык, которым писаны законодательные памятники в Литве, и на который переведена Библия Скорины». Он соглашается с тем, что белорусская литература относится больше к русской, чем к польской, но независимой и самостоятельной от русской он ее не называет. «Мы под именем белорусского языка понимаем молвь народную в губерниях Витебской, Могилёвской, отчасти в Смоленской, в Виленской, Гродненской, Минской и отчасти в юго-восточных частях Ковенской, где она употребляется наравне с литовским языком». Он приводит различия между «народным» белорусским и «великороссийским по московскому выговору» языком, которые считает незначительными.

¹⁷⁵ Русская беседа. 1857. Т. II. Кн. 6. Обзорение. С. 70.

¹⁷⁶ Там же. С. 71.

¹⁷⁷ Там же. С. 72.